

ПОСОЛЬСТВО ВЪ ХИВУ

ПОДПОЛКОВНИКА ДАНИЛЕВСКАГО

въ 1842 году.

Въ разказахъ нашихъ о сношеніяхъ Россіи съ средне-азиатскими государствами (*), мы остановились на возвращеніи капитана Никифорова въ Оренбургъ. Было уже объяснено, какъ неодобрительно встрѣтилъ хивинскій ханъ Аллакулъ предложенія Никифорова, и если послѣ долгихъ споровъ онъ согласился на нѣкоторыя изъ нашихъ требованій, то все-таки вопросы торговый и о разграниченіи киргизъ остались нерѣшенными, и ханъ по прежнему признавалъ подвластными себѣ всѣ киргизскія племена, кочующія на югъ отъ рѣкъ Эмбы и Иргиза.

Опасаясь однакожь явнаго разрыва съ Россіею, послѣдствія котораго Хива еще такъ недавно успѣла испытать, ханъ рѣшился отправить вмѣстѣ съ Никифоровымъ къ нашему двору новыхъ посланцевъ, для окончательныхъ переговоровъ съ самимъ правительствомъ, съ каковою цѣлю и былъ назначенъ почетный сановникъ Хивы Ваисвай Набіевъ, со свитою изъ 16 человѣкъ (1).

12-го декабря 1841 года, посольство это прибыло въ Оренбургъ, и казна приняла его, по обыкновенію, на свое содержаніе, отпуская, кромѣ квартиры и прислуги, кормовыя: послу и товарищу его по рублю, четыремъ почетнымъ хивинцамъ по 50 к., а остальнымъ по 25 к. сер. въ сутки (2).

Прибывъ въ Оренбургъ, посланцы тотчасъ же предъявили мѣстному начальству, что они имѣютъ отъ своего владѣльца порученіе заключить актъ на тѣхъ условіяхъ, какія предложены были капитаномъ Никифоровымъ въ Хивѣ, кромѣ вопроса о границѣ хивинскихъ владѣній, по которому предоставлено посланцамъ ходатайствовать особо у высшаго правительства.

27-го января 1842 года послѣдовало высочайше повелѣніе о допускѣ посланцевъ въ Петербургъ, а 19-го февраля, сопровождаемые четырьмя человѣками свиты и переводчикомъ, они

(*) Статья г. Захарова въ „Военномъ Сборникѣ“ за 1861 г., № 11-й.

выѣхали въ столицу. На расходы по поѣздкѣ ихъ въ Петербургъ и на содержаніе свиты въ Оренбургъ было асигновано 2,000 р. сер.

Что же привезъ съ собой достопочтенный Вансъ Нязвай? какія письма, наполненные цѣнностями восточнаго краснорѣчія? какіе протесты и увѣренія? А писемъ привезъ онъ много, больше чѣмъ привозили все его предшественники. Послушаемъ же, хотя для примѣра, что писалъ ханъ Аллакулъ къ императору Николаю Павловичу.

„Всепочтенный, всеуважаемый, превознесенный, высокостепенѣйшій, славный, пышный, всевысочайшій, самодержавный, всехъ російскихъ областей, великій султанъ и всея Россіи высокій государь, хорошій и добрый нашъ другъ, вѣрный и старинный нашъ пріятель, самодержавнѣйшій императоръ!“

Вотъ какъ трактовалъ Аллакулъ съ могущественнымъ своимъ сосѣдомъ. Онъ считалъ себя вправѣ называть его „другомъ и пріателемъ“—словомъ, быть на равной ногѣ съ повелителемъ царства, сравнительно съ которымъ миниатюрная Хива, съ 300,000 жителей, была не болѣе какъ губернія. Его высокостепенство забылъ, кажется, и бѣдственное положеніе своего ханства во время перерыва сношеній съ Россією, и страхъ, наведенный на него движеніемъ отряда Перовскаго, и непріятный, во всякомъ случаѣ, для нашего правительства отказъ утвердить условія, предложенныя Никифоровымъ. Для Аллакула казалось все ничемъ, и въ своемъ самообольщеніи онъ писалъ какъ повелитель великой державы.

„Да будетъ ясно и свѣтло дознано вашимъ чистымъ сердцемъ—продолжаетъ ханъ—что, благодаря Вога, великое существо наше возсѣдаетъ на царственномъ престолѣ, а чистое сердце наше пребываетъ въ сѣдалищѣ ненарушимой правоты. Подданные наши, вкушая въ тишинѣ плоды древа нашего правосудія, наслаждаются въ саду нашихъ щедротъ и милостей истиннымъ счастіемъ и усердно молятся днемъ и ночью о высококомъ счастіи нашей державы: итакъ, на зеркалѣ нашего сердца не видно пыли неудовольствія или смущенія, и нѣтъ въ немъ никакихъ мрачныхъ отраженій. По изъясненіи словъ, выражающихъ дружество, извѣщаемъ его высококѣстное величество, что постояннѣе желаніе нашего сердца было въ томъ, чтобы Хива съ Россією, по прежнему, составляли единый народъ и единое царство. Нынѣ, благодаря Знжителя міровъ, то

чистое желаніе наше исполнилось, потому что со стороны самодержавнаго пріобрѣтца правосудія, на правахъ посла, къ намъ прибылъ высочайшеннаго капитанъ Никифоровъ, который чрезъ придворныхъ нашихъ и доставилъ намъ препровожденное съ нимъ дружественное письмо. Такъ какъ въ томъ письмѣ каждое слово выражало дружбу и всякая буква означала взаимную пріязнь, то мы, постигнувъ это, были тѣмъ весьма восхищенны и сами, ради благополучія подданныхъ нашихъ, будучи въ твердой рѣшительности сдружиться и во всемъ примириться, изгнали изъ хранины нашего сердца всякую злобу и враждованіе, послѣ того, какъ упомянутый капитанъ совершилъ условія посольства и преисполнился пользою отъ нашего вниманія и милостей, просилъ себѣ позволенія на обратное слѣдованіе въ свое отечество. Разрѣшивъ его по желанію его, мы при отпращиваніи присоединили къ нему одного изъ довѣренныхъ лицъ нашего золотого порога, высочайшеннаго, прославленнаго преданностію Ваисъ Низвая, съ тѣмъ, чтобы онъ, увидавъ нашего могущественнаго друга и всеоблаждающаго пріятели благополучное возсѣданіе на престолѣ самодержавія, возвратился и донесъ о томъ намъ. Во всемъ остальномъ мы поручили ему словесно; при личномъ свиданіи онъ не оставитъ о томъ донести.

„Да дастся сему дружественному письму полная вѣра, съ чѣмъ оно и написано въ благословенномъ мѣсяцѣ рамадана въ 1257 года (октябрь 1841 года).“

Что же касается до остальныхъ писемъ къ государю, графу Несельроде, Перовскому и Генсу, то желающіе могутъ прочитать ихъ въ приложеніяхъ къ настоящей статьѣ (3).

Все эти письма, равно и вышеприведенное заставляютъ думать, что ханъ Аллакулъ нисколько не считалъ себя ниже руссійскаго императора; тонъ его нѣкоторыхъ выраженій показываетъ даже, что какъ будто мы сами заискивали дружбы Хивы и что послѣдствія разрыва съ Россією, столь тяжелыя для этого ханства, были разорительны и для насъ. На чѣмъ основывалъ ханъ такой взглядъ, неизвѣстно, но разубѣдить его въ томъ и осязательно доказать его заблужденіе, дабы сразу поставить хана въ нормальныя отношенія къ Россіи, казалось; должно было составлять главнѣйшую заботу нашего правительства, и преимущественно нашихъ агентовъ, посылавшихся въ Хиву. Въ этомъ отношеніи капитанъ Никифоровъ сдѣлалъ все что могъ, и мы не имѣемъ права упрекать его въ

маломъ соблюденіи достоинства Россіи. Но если первая попытка поставить хана на настоящую точку зрѣнія кончилась не совсѣмъ удачно, то тѣмъ не менѣе слѣдовало дальнѣйшія наши сношенія съ Хивой все-таки продолжать въ томъ же духѣ, чтобы приучить ее, на сколько это возможно, безъ участія силы, хотя къ нѣкоторому сознанію ея ничтожества передъ Россіей. А потому намъ и интересно знать, что сдѣлалъ Данилевскій для окончанія такъ разумно начатаго Никифоровымъ.

10-го марта посолъ прибылъ въ Петербургъ, былъ представленъ ко двору, а 9-го мая отправился въ обратный путь въ Оренбургъ. Посла и сопровождавшихъ его людей одарили вещами и деньгами, а для оставшейся въ Оренбургѣ свиты изъ 11 человекъ выслали 60 аршинъ сукна, 2 куска шелковой матеріи, 100 аршинъ атласу и 230 р. сер (4). Послу при отправленіи была вручена грамота отъ государя къ хивинскому хану, въ которой однакожь, кромѣ обыкновенныхъ вѣжливостей, ничего особеннаго не было сказано (5).

Въ статьѣ о посольствѣ Никифорова, уже было объяснено, что офицеру этому, отправившемуся по возвращеніи изъ Хивы въ Петербургъ, не удалось побывать въ столицѣ: онъ заболѣлъ и вскорѣ умеръ въ имѣніи одного изъ своихъ родственниковъ въ Симбирской губерніи. Какъ только стала извѣстною болѣзнь Никифорова, Перовскій, находившійся тогда въ Петербургѣ, немедленно предписалъ состоявшему при немъ для особыхъ порученій подполковнику Данилевскому ѣхать къ Никифорову и, получивъ отъ него всѣ бумаги, касавшіяся миссіи, прибыть съ этими бумагами въ Петербургъ (6).

Данилевскій исполнилъ порученіе, но, не заставъ въ живыхъ Никифорова, забралъ его бумаги и 7-го марта былъ уже въ Петербургѣ. Здѣсь было рѣшено отправить Данилевскаго вмѣстѣ съ возвращавшимся хивинскимъ посланцемъ къ Аллакугу, для окончанія начатыхъ Никифоровымъ переговоровъ. Въ составъ новой миссіи были назначены: переводчикъ, писмоводитель, натуралистъ Вааннеръ, 2 топографа и 20 казаковъ.

На отправленіе миссіи и на семимѣсячное содержаніе ея въ пути и въ Хивѣ было назначено 5,000 червонцевъ (7), въ томъ числѣ по 50 червонцевъ въ мѣсяцъ агенту на содержаніе, 700 червонцевъ на подарки и 989 на экстраординарные расходы. Данилевскій былъ снабженъ различными подарками, въ числѣ которыхъ заключалась коляска съ парой лошадей и золоченою

сбруею, назначенная отъ высочайшаго двора хану — предметъ давнишнихъ желаній Аллакула (8).

Отправляя Данилевскаго въ Хиву, Перовскій счелъ необходимымъ сообщить министерству иностранныхъ дѣлъ свои соображенія относительно предстоящихъ переговоровъ съ хивинскимъ владѣльцемъ о средне-азиатской торговлѣ нашей, изложенныя въ особой запискѣ. Несмотря на устарѣлость нѣкоторыхъ взглядовъ, изложенныхъ въ запискѣ, она тѣмъ не менѣе представляетъ интересъ, какъ статистическій очеркъ нашей торговли съ Тураномъ въ періодъ до сороковыхъ годовъ (9). Министерство же иностранныхъ дѣлъ съ своей стороны снабдило Данилевскаго двумя инструкціями.

Первая инструкція излагала цѣль и ходъ переговоровъ, которые предполагалось вести съ хивинскимъ ханомъ. Содержаніе ея довольно уже разнилось отъ инструкціи, данной капитану Никнѣорову въ подобномъ же случаѣ (10), а именно: переговоры по инструкціи Данилевскаго должны были имѣть главною цѣлію укрѣпленіе хана въ довѣріи къ безкорыстнымъ видамъ Россіи и въ утвержденіи въ Хивѣ нашего нравственнаго вліянія; поэтому агенту предписывалось озаботиться преимущественно объясненіями по установленію постоянной пошлины на русскіе товары въ Хивѣ не свыше 5% и отложить, впредь до усмотрѣнія, разрѣшеніе вопроса объ опредѣленіи предѣловъ вліянія хивинцевъ въ киргизской степи — статья, какъ извѣстно, послужившая Никнѣорову камнемъ преткновенія при переговорахъ съ Аллакуломъ. Но если бы обстоятельства были таковы, что Данилевскій нашелъ бы удобнымъ высказаться и по послѣднему вопросу, то инструкція разрѣшала ему опредѣлить нашу южную границу по рѣкѣ Сыръ-Дарьѣ, сѣверному берегу Арала и сѣверному свѣсу Усть-Урта. Въ заключеніе предлагалось согласить хана на принятіе въ Хивѣ нашего постояннаго агента, съ тѣмъ, чтобы на первое время онъ пріѣзжалъ въ Хиву хотя временно съ караванами.

Вторая инструкція касалась освобожденія изъ плѣна персидскихъ невольниковъ, столь многочисленныхъ въ Хивѣ (11).

Несмотря на всѣ старанія персидскаго правительства, оно ничего не могло сдѣлать для своихъ несчастныхъ подданныхъ, томившихся въ рабствѣ, и потому, какъ только открылись сношенія Россіи съ Хивою, шахъ немедленно обратился съ прось-

бою къ нашему правительству: хлопотать чрезъ нашихъ агентовъ въ Хивѣ объ освобожденіи плѣнныхъ персіянъ.

Изъ переговоровъ Никифорова мы видѣли, что онъ и не поднималъ вопроса о персіянахъ, а между тѣмъ зналъ, потерявъ терпѣніе, началъ готовиться къ войнѣ, и только соединенныя усилія русскаго и англійскаго посланниковъ въ Тегеранѣ заставили шаха повременить военными дѣйствіями и послать въ Хиву, въ качествѣ посланника, Могамедъ-Али-хана, придавъ къ нему чиновника англійской миссіи Томсона.

Имѣя въ виду содѣйствовать дружественной державѣ при переговорахъ ея въ Хивѣ, правительство наше поручало Данилевскому: разъяснить хану всю неблаговидность его дѣйствій въ захватѣ персіянъ и склонить Алладула къ освобожденію хотя части рабовъ и къ посылкѣ въ свою очередь хивинскаго посланника въ Персію, при чемъ агенту разрѣшалось снабдить этого посла письмомъ къ нашему полномочному министру въ Персію, графу Мадему.

Относительно сношеній съ Томсономъ инструкція говоритъ: „На менѣе дружественное обращеніе (т. е. не менѣе, чѣмъ съ персидскимъ посланникомъ) будете вы имѣть и съ англійскимъ чиновникомъ Томсономъ, который, на основаніи данныхъ ему инструкцій, имѣеть *исключительно* порученіе стараться объ устройствѣ дѣла о персидскихъ невольникахъ, которому поставлено въ непрѣмную обязанность сообщаться по этому дѣлу съ русскіимъ агентомъ въ Хивѣ и дѣйствовать совокупно съ нимъ, и которому *возможна* воспрещена вмѣшиваться въ переговоры нашего агента съ ханомъ по дѣламъ, до Россіи касающимся“.

Далѣе инструкція еще разъ повторяетъ агенту, чтобы онъ ни подъ какимъ видомъ не допускалъ Томсона вмѣшиваться въ дѣла наши въ Хивую, ибо государь императоръ не желаетъ имѣть посредникомъ въ дѣлахъ, касающихся собственно до Россійской имперіи“.

Кромѣ инструкцій, Данилевскій былъ снабженъ грамотою отъ высочайшаго имени и письмомъ вице-канцлера, а также письмомъ отъ оренбургскаго губернатора къ хану (12).

Въ концѣ мѣсяца явля членъ миссіи, тѣмъ и хивинскій посланецъ со святою собрался въ Оренбургъ, и Данилевскій началъ дѣятельно готовиться къ путешествію въ Хиву, куда миссія наконецъ и выступила 1-го августа.

Но прежде чѣмъ продолжать описаніе дѣйствій Данилевскаго, не лишнимъ будетъ сказать нѣсколько словъ объ этомъ человѣкѣ. Во время поѣздки въ Хиву Данилевскому было 40 лѣтъ. Воспитаніе онъ получилъ домашнее и въ 1818 году поступилъ на службу юнкеромъ въ Ахтырскій гусарскій полкъ. Дальнѣйшая служба его, пройденная съ замѣчательными отличіемъ въ кампаніи 1828 и 1829 годовъ, въ Турціи, и въ 1831 году, въ Польнѣ, продолжалась то же въ кавалеріи; въ 1837 году, уже въ чинѣ подполковника онъ былъ назначенъ для особыя порученія къ командиру отдѣльнаго оренбургскаго корпуса, генералъ-адъютанту Перовскому. Служба здѣсь, онъ совершилъ нѣсколько экспедицій въ Киргизскую степь и между прочимъ участвовалъ въ походѣ на Хиву въ 1839 году. Данилевскій обладалъ достаточнымъ запасомъ свѣдѣній о Хивѣ и о степи, и по своей натурѣ представлялъ личность совершенно противоположную Никифорову. Долго былъ адъютантомъ, а потомъ состоя въ блестящей свитѣ Перовскаго, Данилевскій былъ человѣкъ свѣтски-образованный, услужливый, служилъ весьма виднымъ украшеніемъ гостиницъ и, при замѣчательномъ дарѣ слова и ловкости обращенія, годился бы въ агенты при европейской державѣ.

Выступивъ изъ Оренбурга, миссія направлялась черезъ Омбу, Усть-Урть, вдоль западнаго берега Аральскаго моря, и послѣ 43-дневнаго похода вступила въ предѣлы ханства, гдѣ и была встрѣчена почетнымъ чиновникомъ съ 300 всадниками, посланными Аллакуломъ для привѣтствованія агента. Слѣдуя черезъ Куна-Урганчъ, агентъ дошелъ до Ташауса и тамъ получилъ письмо отъ мяхтера, которымъ послѣдній просилъ агента подождать нѣсколько въ Ташаусѣ, по случаю пребыванія хана съ войскомъ въ предѣлахъ Бухары.

Остановка однакомъ продолжалась недолго: 17-го октября миссія, по приглашенію присланнаго отъ хана чиновника, двинулась въ Хиву и, пройдя этотъ городъ, 19-го числа остановилась въ одномъ изъ загородныхъ каменныхъ дворцовъ. Ханъ находился еще въ Бухарѣ и только 29-го числа возвратился домой. На другой день онъ прискалъ поздравить агента съ прибытіемъ и извѣдывая, что по усталости не можетъ еще сдѣлать приема; но когда Данилевскій выразилъ, что онъ надеялся въ тотъ же день видѣть хана, то приглашеніе на аудіенцію послѣдовало вечеромъ въ тотъ же день.

Послѣ обычныхъ привѣтствій, хану были вручены чрезъ посредство мяхтера высочайшая грамота и письма и поднесены подарки, изъ которыхъ онъ особенно остался доволенъ колюшкой (13). Уклонившись на этотъ разъ отъ подробныхъ объясненій, агентъ получилъ приглашеніе назначать по своему усмотрѣнію дни аудіенцій, давая только каждый разъ знать о томъ хану черезъ мяхтера. Слѣдующій день былъ посвященъ знакомству съ сановниками и раздачѣ имъ подарковъ.

По болѣзни Аллакула, второе свиданіе съ ханомъ состоялось только 10-го ноября, и конференція продолжалась около четырехъ часовъ. Агентъ выразилъ хану удивленіе нашего правительства, что переговоры, веденные Никифоровымъ, не достигли желаемого результата и что только вслѣдствіе повторительныхъ увѣреній хивинскихъ посланцевъ о желаніи хана жить въ дружбѣ съ Россією государь повелѣлъ продолжать начатые переговоры. Затѣмъ хану были объяснены наши условія.

Главнѣйшія возраженія, сдѣланныя на предложенія Данилевскаго Аллакуломъ, состояли въ томъ, что онъ требовалъ, чтобы къ каждому пункту договора было добавлено, что и Россія съ своей стороны обязывается на тѣ же самыя условія, которыя въ немъ заключаются, и во-вторыхъ въ домогательствѣ, чтобы пошлина была взимаема въ Россіи съ хивинскихъ торговцевъ по 5% съ цѣнности товаровъ, какъ это дѣлается въ Хивѣ съ русскихъ купцовъ.

На опроверженіе агента противъ замѣчаній по первому пункту ханъ отвѣчалъ: „я сказалъ уже, что желаю быть въ дружбѣ съ Россією, и докажу это, а потому соглашаюсь на ваши слова“. Разсужденія же по второму вопросу ханъ просилъ отложить до слѣдующаго засѣданія, и когда агентъ замѣтилъ, что отсрочка эта не измѣнитъ нашихъ предложеній, ханъ отвѣчалъ: „хорошо, я не буду брать съ вашихъ товаровъ большей пошлины, какъ по 5%; но пусть же російскій императоръ узнаетъ о ходатайствѣ моемъ насчетъ моихъ купцовъ“.

Такъ кончилось свиданіе, на которомъ присутствовали, не принимая однакожъ никакого участія въ переговорахъ, мяхтеръ и ходжалъ-махремъ. Послѣ этого свиданія, Данилевскій сдѣлалъ въ своихъ запискахъ слѣдующую отмѣтку: „Вообще всѣ замѣчанія и отвѣты Аллакула показывали самобытность въ

инѣнія, смелівость соображеній и весьма много здраваго смысла; а желаніе пріобрѣсти пріязнь Россіи просвѣчивалось даже и въ самыхъ возраженіяхъ его. Его осанка, звукъ голоса и хладнокровіе, съ какимъ онъ велъ переговоры, не лишены были нѣкотораго достоинства и даже привлекательности“. Къ сожалѣнію, это свиданіе съ Алмакуломъ было послѣднее: 23-го ноября, послѣ тяжелой болѣзни, онъ умеръ. 25-го того же мѣсяца, сынъ его Рахимъ-кули-Инакъ вступилъ на ханство.

Послѣ похоронъ, переговоры возобновились съ новымъ ханомъ, который для этого назначилъ, подъ своимъ предсѣдательствомъ, особый комитетъ, и длились до 27-го декабря.

Результатомъ такихъ длинныхъ объясненій было наконецъ составленіе обязательнаго со стороны Хивы акта въ девяти пунктахъ, изъ которыхъ пятый, а въ особенности седьмой; оспаривался ханомъ и его совѣтниками въ нѣсколькихъ конференціяхъ.

Обязательный актъ заключалъ слѣдующее:

„Во имя Всемогущаго и милосердаго Бога.

„Отъ владѣтельнаго харезмскаго шаха, высокостепеннаго Рахимъ-кули-хана, данъ настоящий актъ въ томъ, что, имѣя искреннее желаніе пребывать въ постоянномъ мирѣ и тѣсной дружбѣ съ пресвѣтлою и могущественною Россійскою имперією, упрочивать пріязненныя съ нею связи и соблюдать во всей строгости правила миролюбивыхъ и добрыхъ сосѣдей, мы обязуемся за себя самихъ, за нашихъ преемниковъ и попомковъ и за всѣ подвластныя намъ племена:

„1) Отнынѣ впредь не предпринимать никакихъ явныхъ, ни тайныхъ враждебныхъ дѣйствій противъ Россіи.

„2) Не производить и не потворствовать грабежамъ, разбоямъ и захватамъ ни въ степи, ни на Каспійскомъ морѣ, и въ случаѣ, если бы таковыя грабежи произведены были подвластными Хивѣ племенами, то предавать виновныхъ немедленному наказанію, а ограбленное имущество возвращать по принадлежности.

„3) Не держать въ неволѣ русскихъ плѣнныхъ и отвѣтствовать за всякую безопасность и за сохранность имущества всякаго руссійскаго подданнаго, могущаго быть въ хивинскомъ владѣніи.

„4) Въ случаѣ смерти въ хивинскихъ владѣніяхъ руссійскаго подданнаго, отпускать въ цѣлости оставшееся послѣ него иму-

щество российскому пограничному начальству, для передачи его наследникамъ.

„5) Не допускать бѣглецамъ и мятежникамъ изъ российскихъ подданныхъ укрываться въ хивинскихъ владѣнiяхъ, но выдавать ихъ российскому пограничному начальству.

„6) Съ товаровъ, привозимыхъ российскими купцами въ хивинскiя владѣнiя, взимать пошлину единожды въ годъ и не свыше пяти процентовъ съ дѣйствительной цѣны оныхъ.

„7) Съ товаровъ, принадлежащихъ российскимъ купцамъ и отправляемыхъ въ Бухару или въ другiя азиатскiя владѣнiя черезъ рѣку Сыръ, или съ привозимыхъ симъ путемъ обратно, никакихъ пошлинъ не брать.

„8) Не дѣлать никакихъ препятствiй караванной торговлѣ азиатскихъ владѣнiй съ Россiйскою имперiею, взимая однако съ нихъ по закону зякетъ.

„9) Поступать вообще во всѣхъ случаяхъ, какъ подобаетъ добрымъ сосѣдямъ и искреннимъ прiятелиамъ, дабы болѣе и болѣе упрочить дружественныя связи съ могущественною Россiйскою имперiею.

„Въ удостовѣренiе чего мы утвердили сей актъ нашею золотою печатью и вручили оный уполномоченному со стороны могущественной Россiйской имперiи, высокородному подполковнику Данилевскому. Данъ въ 1258 году эфиръ, въ мѣсяцъ мухарремъ.“

На копiи съ этого акта, переданной хану, была сдѣлана нашимъ агентомъ слѣдующая надпись:

„Получивъ для доставленiя Его Императорскому Величеству великому императору и самодержцу всероссiйскому вышеозначенный актъ отъ высокостепеннаго владѣтеля хивинскаго Рахимъ-Кули-хана, я, на основанiи даннаго мнѣ уполномочiя, удостовѣряю симъ, что, во взаимство постановленныхъ въ томъ актѣ условiй, могущественная российская держава:

1) Предастъ совершенному забвенiю прежнiя непрiязненныя противъ нея дѣйствiя хивинскихъ владѣтелей.

2) Отказывается отъ требованiя уплаты за разграбленные до сего времени караваны.

3) Обѣщаетъ совершенную безопасность и законное покровительство прiѣзжающимъ въ Россiю хивинскимъ подданнымъ.

4) Предоставляетъ въ своихъ владѣнiяхъ хивинскимъ тор-

голицамъ всё преимущество, конни получаютъ купцы другихъ азиатскихъ владѣній.

„Такое дѣлаемое мною удостовѣреніе подтверждено будетъ письменно доблестнымъ и высокомогущимъ российскимъ государственнымъ вице-канцлеромъ отъ высочайшаго имени Его Императорскаго Величества государя императора и самодержца всероссийскаго. Точное же соблюденіе, со стороны высокостепенныхъ хивинскихъ владѣтелей, постановленныхъ въ выше-прописанномъ актѣ условій будетъ обезпечено личностію и собственностію хивинскихъ подданныхъ, могущихъ находиться въ Российской имперіи. Данъ въ Хивѣ, декабря 29-го дня 1842 года.“

Впоследствии на этомъ актѣ вице-канцлеромъ была сдѣлана слѣдующая надпись:

„Нынѣ Его Императорское Величество, всепресвѣтлѣйшій, державнѣйшій великій государь императоръ и самодержецъ всероссийскій, по разсмотрѣніи сихъ взаимно-постановленныхъ основаній пріязни и сосѣдственныхъ сношеній, удостоилъ оныя высочайшаго одобренія и соизволилъ имѣ повелѣть: подтвердить письменно отъ августѣйшаго имени Его Императорскаго Величества, что условія, объявленныя полковникомъ Данилевскимъ и значащіяся въ вышеприведенныхъ четырехъ статьяхъ надписи его, будутъ со стороны могущественной Россійской имперіи въ точности выполняемы дотолѣ, доколѣ вандальцы хивинскіе и подвластныя имъ племена будутъ свято и ненарушимо соблюдать условія, изложенныя въ актѣ высокостепеннаго Рахимъ-кули-хана.“

„Въ удостовѣреніе чего, по высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, написалъ настоящій подтвердительный актъ, за собственноручнымъ моимъ подписомъ и съ приложеніемъ печати министерства иностранныхъ дѣлъ, и врученъ хивинскому посланцу, почетному млибашу Магомедъ-Емину, для доставленія высокостепенному владѣльцу Хивы. Данъ въ столичномъ городѣ С.-Петербургѣ, іюня 30-го дня 1843 года.“

Таковъ былъ актъ, которымъ устанавливались отношенія наши къ Хивѣ. Трудно себѣ представить что-нибудь еще скромнѣе тѣхъ требованій, которыя были заявлены такою державою, какъ Россія, своему ничтожному сосѣду. Даже противники наши на западѣ, всегда ратующіе противъ какого то преобладанія Россіи въ Турани, не могли бы, конечно, составить болѣе сира-ведливыхъ требованій, чѣмъ высказанныя Данилевскимъ.

Независимо отъ обязательнаго акта, агентъ нашъ сильно хлопоталъ объ освобожденіи изъ Хивы персидскихъ плѣнниковъ хотя въ числѣ 1,500; но, къ сожалѣнію, всѣ его по этому предмету вразумленія хану были бесполезны. Аллакутъ, по совѣту сановниковъ, рѣшился только на освобожденіе родственника мешедскаго правителя Могамедъ-вали-хана, утверждая, что возвращеніе этого плѣннаго будетъ имѣть въ глазахъ персидскаго правительства болѣе цѣны, чѣмъ освобожденіе 5,000 человекъ.

Вообще, какъ пишетъ Данилевскій, конференціи по переговорамъ происходили отъ 4 до 6 разъ въ недѣлю, и обязательный актъ былъ переписываемъ, послѣ всякаго засѣданія, по крайней мѣрѣ до 20 разъ, и только 27-го декабря былъ сжѣвленъ ханскою печатію въ томъ самомъ видѣ, въ которомъ былъ предложенъ агентомъ съ самаго начала переговоровъ. Обмѣнъ дипломатическихъ документовъ произошелъ вечеромъ того же числа, въ присутствіи всѣхъ членовъ ханскаго совѣта и ханскаго дяди Рахманъ-берды-бія.

Относительно представленій агента, чтобы Рахимъ-гули воздержался отъ слишкомъ дальняго распространенія своего вліянія въ степь, ханъ отвѣчалъ всегда: „что онъ будетъ поступать такъ, чтобы не навлечь на себя неудовольствія нашего правительства“. Что касается личныхъ отношеній хана къ агенту, то они были очень хороши, и агентъ во время своихъ посѣщеній всегда приглашался сѣсть. Съ сановниками Данилевскій тоже умѣлъ сойтись, и кромѣ официальныхъ визитовъ они были даже у агента на большомъ ужинѣ, съ фейерверкомъ, за исключеніемъ кушъ-бегія, который, не сдѣлавъ визита агенту, не былъ и приглашенъ имъ на ужинъ. Въ свою очередь и агентъ былъ угощаемъ не разъ зваными обѣдами.

На прощанье, какъ водится, чины миссіи получили подарки деньгами, такъ что, считая все вмѣстѣ, содержаніе миссіи обошлось хивинскому правительству на наши деньги въ 12,300 рублей ассигнаціями.

Прощальная аудіенція Данилевскаго происходила 30-го декабря, при чемъ ханъ долго уговаривалъ агента заведовать въ Хивѣ или избрать прежній путь въ Россію, т. е. черезъ Таашусъ и Куны-Ургенчъ; но агентъ настоялъ на немедленномъ отправленіи, и, притомъ, черезъ сѣверную часть хивинскихъ владѣній, которой Данилевскій еще не видалъ.

31 го декабря миссія, послѣ 3½ мѣсяцевъ пребыванія въ ханствѣ, выступила изъ Хивы и, слѣдуя черезъ Кунградъ и Агъ-Булакъ, 11-го февраля прибыла благополучно въ Илецкую Защиту. Миссію сопровождалъ и новый хивинскій посланецъ Магомедъ-Еминъ, со свитою изъ 12 человекъ, назначенный ханомъ для принесенія благодарности государю за его милостивое расположеніе къ Хивѣ.

Результатами миссіи Данилевскаго были: генеральная карта Хивинскаго ханства (масштабъ 50 верстъ въ англійскомъ дюймѣ); специальная карта населенной части западной долины Аму-Дарьи, 10 верстъ въ дюймѣ; оро-гидрографическая карта населенной части Хивинскаго ханства, 10 верстъ въ дюймѣ; глазомѣрная съемка пройденныхъ путей въ ханствѣ, 2 версты въ дюймѣ. Кромѣ того Данилевскій составилъ весьма обстоятельное статистическое описаніе ханства, которое, вмѣстѣ съ сочиненіемъ о Хивѣ бывшаго съ Данилевскимъ Базинера, служить до сихъ поръ лучшимъ руководствомъ для знакомства съ этимъ государствомъ Турана (14). Расходы нашей казны на миссію Данилевскаго составляли около 3,759 червонцевъ (15).

По прибытіи въ Оренбургъ, хивинскій посланецъ былъ встрѣченъ съ особымъ почетомъ и 22-го апрѣля, со свитою изъ 5 человекъ, отправленъ въ Петербургъ, куда прибылъ 13-го мая. Посланецъ, какъ водится, привезъ письма отъ хана и сановниковъ, а равно разные подарки, въ видѣ ковровъ, хивинскихъ матерій и проч.

Довольное заключеніемъ акта, правительство наше ласково встрѣтило посла въ Петербургъ, богато одарило его и, снабдивъ значительными подарками хану и хивинскимъ министрамъ, также грамотою и письмами (16), отправило посла въ Оренбургъ, куда онъ прибылъ 4-го августа. При этомъ слѣдуетъ еще сказать, что, вступивъ въ дружескія сношенія съ Россією, хивинскій ханъ старался на первое время поступать во всемъ по правиламъ добраго сосѣдства, и потому, въ бытность еще въ Петербургъ своего посла, адресовалъ къ нему письмо, для передачи русскому правительству, о своихъ побѣдахъ и событіяхъ въ Средней Азій, въ которомъ, между прочимъ, ходатайствовалъ у государя о присылкѣ въ Хиву двухъ артиллеристовъ, которые никогда не дають промаховъ, стрѣляя въ цѣль. Извѣстія эти были приняты нашимъ правительствомъ съ признательностію, а на просьбу объ артиллеристахъ разрѣшенія не послѣдовало (17).

24-го сентября, достаточно нагруженный подарками, почтенный Магомедъ-Емдианъ выступилъ изъ Оренбурга, въ обратный путь въ Хиву. Содержание его со свитою и переѣзды въ Россію обошлись въ 3,800 р. сер.

Такъ кончились наши несогласія съ Хивою. [Актъ подписанъ, сосѣдственныя дружескія отношенія восстановлены, визиты пословъ сдѣланы, подарки ханъ получилъ съ изобиліемъ—чего же болѣе? Забыто было только одно, именно то, что святости договоровъ Хива въ европейскомъ смыслѣ вовсе не понимаетъ; актъ для нея былъ не болѣе какъ мертвая буква, а единственнаго права Россіи—ея силы—она не признавала, да при тогдашнемъ нашемъ положеніи въ степи и сознать не могла. Въ слѣдующихъ же 1843 и 1844 годахъ мы видимъ Хиву въ пріятельскихъ сношеніяхъ съ извѣстнымъ мятежникомъ, котораго мы преслѣдовали всѣми силами, Кенисарою; въ 1845 году эмиссары хивинскіе дѣйствуютъ на Сырѣ, а въ южной части западной нашей степи входятъ въ сношенія съ извѣстнымъ впоследствии разбойникомъ Исетомъ Кутебаровымъ. Въ 1848 году опустошающія шайки хивинцевъ являются на устьяхъ Сыра подъ самыми стѣнами вновь возведеннаго нами укрѣпленія Раима (Аральское), а диванъ-беги хивинскій преспокойно пишетъ предписанія нашимъ киргизамъ, кочующимъ за Эмбой, чтобы они во всемъ повиновались Исету Кутебарову. Въ 1852 году дѣло дошло до того, что Перовскій уже предлагаетъ кушъ-бегію и мяхтеру хивинскимъ 200 червонцевъ за выкупъ семейства подвластнаго намъ, управлявшаго чеумекеевцами, султана Ирмуламеда Касимова, а въ 1858 году нашъ агентъ въ Хивѣ, полковникъ (нынѣ генералъ-адъютантъ) Игватъевъ, тщетно ссылается въ своихъ переговорахъ на актъ Данилевскаго и получаетъ отвѣтъ отъ хивинцевъ, что они содержанія этого акта не помнятъ и при всѣхъ розыскахъ не нашли даже и слѣда его въ своихъ канцеляріяхъ.

Таковъ былъ результатъ нашихъ взаимныхъ основаній признанія и сосѣдственныхъ сношеній съ Хивою въ сороковыхъ годахъ; таковъ былъ онъ и въ 1858 году, послѣ переговоровъ Игватъева, и, вѣроятно, такимъ же останется и на будущее время, до тѣхъ поръ, пока мы обязательно не заставимъ Среднюю Азію сознать нашу силу.

Н. ЗАДѢСОВЪ.

ПРИЛОЖЕНИЯ

къ статьѣ:

ПОСОЛЬСТВО ВЪ ХИВУ ПОДПОЛКОВНИКА ДАНИЛВСКАГО.

(1) Рапортъ Никифорова Перовскому, 8-го ноября, № 10. Архивъ канцеляріи оренбургскаго военнаго губернатора.

(2) Рапортъ пограничной комисіи Перовскому, 16-го декабря, № 20,689. Архивъ канцеляріи военнаго губернатора.

(3) *Письмо къ графу Нессельроде.*—Убъжище министровъ, предсѣдатель всеуправляющаго главнаго петербургскаго суда, главнѣйшій изъ министровъ Его Императорскаго Величества, добродѣтельный и доброжелательный графъ Нессельродъ! Послѣ того, какъ превознесется благороднѣйшая глава твоя нашею царскою милостію и высокою благорасположительностію, да будетъ вѣдомо, что препровожденное съ почтеннымъ муллою Мухаммедъ-Шарифомъ и высокостепеннымъ капитаномъ Нинифоровымъ письмо твое здѣсь получено. Изъ содержанія его мы узнали, что ты очень заботился о водвореніи между двумя державами прежней дружбы и пріязни. Если два государства будутъ по прежнему согласны между собою, то дѣйствительно это будетъ причиною спокойнаго и мирнаго житія ихъ подданныхъ. Изъ взаимнаго согласія и мира произойдетъ благополучіе обѣихъ державъ. Итакъ, я совершенно изгналъ изъ сердца своего всю бывшую между нами вражду и злобу. Когда вышеупомянутыя лица исполнили посольскіе обряды и пожелали возвратиться въ свое отечество, тогда мы, разрѣшивъ ихъ на обратное слѣдованіе, присоединили къ нимъ высокостепенныхъ: Вансъ-Ніязъ-Бая и Ишбая, которые все то, что сказано имъ изустно, объяснятъ при личномъ свиданіи. Это высокое письмо (да дастся ему вѣра) написано въ благословленномъ мѣсяцѣ рамаданѣ 1257 г. (въ октябрѣ мѣсяцѣ 1841 года).

Письмо къ государю императору.—Да будетъ открыто пресвѣтлому сердцу достославнаго, всми почитаемаго и любимаго высокочѣстнаго, великаго всероссійскаго императора, что благословенное высокое существо наше, благодаря Бога, благополучно пребываетъ на царственномъ престолѣ. Подданные наши, чудесное Божіе твореніе, наслаждаясь подъ свѣію правосуднаго нашего правленія совершеннымъ счастіемъ; молятся о вѣчномъ нашемъ благополучіи и объ отвращеніи отъ насъ скорби и непріятностей. Нынѣ дошли до насъ слухи, что войско англичанъ, преисполненныхъ соблазна, идетъ на Гератъ. Для собранія объ этомъ достовѣрныхъ свѣдѣній мы отправили туда нарочнаго. А такъ какъ теперь наступило уже весеннее время, самое удобное для похода и благопріятное для всякаго движенія войскъ, то мы, какъ для общей пользы нашихъ подданныхъ, такъ и для произведенія между ими суда и расправы, почли необходимымъ назначить къ отправленію въ Мервъ опору свою, поборника славы горизонта, царственнаго столпа Инаха Рахманъ-Кула, котораго передовые люди и птицеловная охота уже посланы, а вслѣдъ

затѣмъ и самого его въ скоромъ времени со славой отпустимъ. Крѣпкое основаніе взаимной дружбы и необходимое условіе обоюдной пріязни требуютъ того, чтобы обо всемъ другъ друга увѣдомили, почему мы и рѣшились отправить къ Вашему Величеству нашего довѣреннаго Ишніязъ-Бая, который объяснитъ вышеизложенныя обстоятельства и потомъ, собравъ по онымъ надлежащія свѣдѣнія, возвратится къ намъ. Это дружественное письмо написано въ 1257 году (1841 г.).

Оренбургскому военному губернатору.—Мы, побѣдоносный отецъ побѣждающихъ и побѣжденныхъ, ховарезмскій шахъ, слово наше: почтенному и уважаемому предсѣдателю оренбургскаго суда и губернатору:

Съ полученіемъ сего высочайшаго посланія да будетъ вѣдомо, что отправленное отъ искренности и приверженности съ высокостепеннымъ капитаномъ Никифоровымъ и товарищемъ его представленіе твое чрезъ придворныхъ нашихъ, будучи внесено въ великолѣпный нашъ дворецъ, было представлено правителями дѣлъ нашему вдохновенному усмотрѣнію, и объявлено нашему сердцу его содержаніе. Послѣ того, какъ высокостепенный и доброжелательный посоль Его Императорскаго Величества исполнилъ обряды посольства и просилъ себя увольненія, мы, разрѣшивъ его на обратное слѣдованіе, для того, чтобы онъ имѣлъ въ себя радость, признали за нужное, согласно съ нашимъ царскимъ величіемъ, превознести главу его нашею царскою благосклонностію и отличить его нашимъ царскимъ вниманіемъ. Это высокое письмо любезно писано въ благословенномъ мѣсяцѣ рамаданѣ.

Оренбургскому военному губернатору отъ мѣстера.—Да будетъ ясно и свѣтло сердцу почтеннаго, уважаемаго и высокочѣстнаго оренбургскаго военнаго суда предсѣдателя (т. е. губернатора), что отправленное съ высокостепеннымъ, приближеннымъ учености Мухамедъ-Шарифомъ и капитаномъ Никифоровымъ дружественное письмо здѣсь получено, изъ котораго мы, ко всеобщей радости, увидѣли, что давнишнее желаніе наше къ восстановленію между двумя державами по прежнему правилъ дружбы и взаимной пріязни наконецъ исполнилось. Послѣ того, какъ упомянутыя два лица были представлены нами къ солнцу блещущему присутствію ховарезмскаго шаха (да предадутся ему въ жертву души наши) и милостиво имъ, уподобляющемуся мѣстностію Александру Великому, а слову Соломону премудрому, приняты, они изъявили желаніе къ обратному слѣдованію въ свое отечество. Согласившись въ этомъ съ ними, мы, по правамъ чистой дружбы и нелицемѣрной пріязни, почли необходимою представить свои чувства въ семь дружественномъ письмѣ, присовокупляя, что мы, всегда пребывавъ въ присутствіи харезмскаго шаха (да предадутся ему въ жертву души наши), только и думаемъ о величій и славѣ его, да о благоденствіи его подданныхъ; а потому всевозможными средствами старались и стараемся къ соединенію двухъ державъ узами ненарушимой дружбы, неразрывной пріязни, возбраняя враждѣ и злобѣ всякій доступъ къ пречистому сердцу его величества и сохраняя тѣмъ въ совершенной чистотѣ и дружественномъ согласіи привязанность его къ вашему государю императору.

Если и вы съ своей стороны не оставите употребить зависящія мѣры къ поддержанію взаимнаго согласія, то есть надежда, что два народа и двѣ державы сольются воедино, и тогда подданные обоихъ государствъ, будучи въ тишинѣ и спокойствіи, принесутъ невзвѣстныя выгоды своимъ государямъ.

Генсу отъ мяхтера. — Да будетъ свѣтло и ясно любезному сердцу почтеннаго и уважаемаго друга нашего Генса, что послы высококѣстнаго и всемогущаго прибѣжища величія и славы, самодержавнаго и всемилостиваго великаго государя императора, мулла Мухамедъ-Шарифъ и капитанъ Никифоровъ, по прибытіи своемъ въ солнцелещущее присутствіе ховарезмскаго шаха, уподобляющагося славою и мѣстностію Александру Великому, отца побѣдителей и побѣжденныхъ (да предадутся ему въ жертву души наши), воспользовались при золотомъ порогѣ его должною почестію и надлежащимъ вниманіемъ и изъявили желаніе къ обратному слѣдованію, на что и получили разрѣшеніе. При чемъ его величество изволили повелѣть отправить вѣстѣ съ ними къ присутствію Его Императорскаго Величества послами — высокопочтенныхъ и высокостепенныхъ Ваисъ-Ниязъ-Бая и Ишбая, для засвидѣтельствованія обязанностей дружбы и условій пріязни. Писавъ это дружественное письмо, присовокупляемъ, что мы, находясь всегда въ присутствіи харезмскаго шаха, печемся о согласномъ и мирномъ житіи двухъ государствъ такъ, чтобы подданные обѣихъ державъ, пребывая въ тишинѣ и мирѣ, доставляли обоимъ государствамъ должныя выгоды. Если вы съ своей стороны также будете по возможности заботиться о выгодахъ обѣихъ народовъ, чтобы обѣ державы были по прежнему въ тѣсной связи дружества и неразрывной пріязни, то нѣтъ сомнѣнія, что оба народа и обѣ державы, укрѣпляя время отъ времени согласіе и привязанность другъ къ другу, пребудутъ до всеобщаго воскресенія въ ненарушимой дружбѣ и неразрывной пріязни. О всемъ остальномъ, что сказано изустно, вышеупомянутыя лица объяснятъ при личномъ свиданіи. Дружественное это письмо написано съ тѣмъ, чтобы ему дава была полная вѣра. — На оборотѣ снизу приложена печать мяхтера Якуба Юсуѣова.

(4) Отзывъ графа Нессельроде къ начальнику штаба оренбургскаго корпуса отъ 7-го мая, № 1,275. Архивъ канцеляріи военнаго губернатора.

(5) Содержаніе высочайшей грамоты было слѣдующее:

Обладателю Хивы, высокостепенному Алахъ-гули-хану, наша Императорскаго Величества благопріязнь и доброе привѣтствіе. Посланикъ вашъ Венъ-Ниязбай, по прибытіи въ столицу, былъ намъ, великому государю, представленъ и поднесъ грамоту вашего высокостепенства. Содержаніе оной, а также изустныя увѣренія посланника и вообще ваши дѣйствія убѣждаютъ насъ въ искреннемъ и неизмѣнномъ стремленіи вашемъ сохранять и утверждать пріязненныя связи между Россійскою державою и подвластными вамъ областями. Такія благія намѣренія совершенно соотвѣтствуютъ нашимъ желаніямъ и принесутъ хивинскимъ владѣніямъ несомнѣнную пользу. Нынѣ съ благоволеніемъ отпускаю обратно вашего посланника, извѣщая васъ, что мы призвали за благо отправить къ вамъ до-

върженное отъ насъ лицо, коему поручили войти съ вами въ объясненіе по тѣмъ предметамъ, которые должны служить основаніемъ для дальнѣйшихъ успѣховъ дружественныхъ связей между Россійскою имперіею и Хивію. Засиѣ желаемъ вамъ всякаго счастія. Сія наша императорская грамота дана въ столичномъ нашемъ городѣ Санктпетербургѣ, апрѣля 25-го дня 1842 года, царствованія же нашего въ семнадцатое лѣто.

(6) Предписаніе Перовскаго Данилевскому отъ 7-го февраля 1842 года, № 126. Арх. канц. воен. губери.

(7) Отзѣвъ Нессельроде къ Перовскому 29-го апрѣля, № 1,124. Арх. канц. воен. губери.

(8) Отзѣвъ азійскаго департамента 25-го мая, № 32. Арх. канц. воен. губери. Подарки назначены были слѣдующіе:

Хану хивинскому—коляска четырехмѣстная съ фордекомъ. Пара хомутовъ со всѣмъ приборомъ накладнаго серебра и съ позолотою.

Сыну хана отъ имени государя наследника — столовые бронзовые часы съ футляромъ. Стекланный колпакъ къ часамъ. Ружье двухствольное съ приборомъ. Пара двуствольныхъ пистолетовъ съ приборомъ.

Хану отъ вице-канцлера — разныя вещи изъ разноцвѣтнаго хрустала.

Мяхтеру и Куши-бею отъ военнаго губернатора—по куску сукна и по три куска полумериносу.

Мяхтеру отъ директора азійскаго департамента—3 куска шелковой матеріи и 10 кусковъ кисеи.

Диванъ-бею отъ предсѣдателя пограничной комисіи—кусокъ сукна.

Кромѣ сего въ распоряженіе Давилевскаго было предоставлено разныхъ вещей на 1,484 рубля 84 копѣйкн.

(9) Отзѣвъ Перовскаго къ Нессельроде отъ 28-го апрѣля, № 326. Архивъ канцеляріи военнаго губернатора. Содержаніе записки слѣдующее:

I. Значеніе средне-азійской торговли для Россіи.

Средне-азійская торговля наша, по обширности границы, на которой она производится, и характеру рынка, представляемаго ею для Россіи, заслуживаетъ несомнѣнно особеннаго вниманія, какъ важное и главное средство для развитія капиталовъ въ малопромышленныхъ и бѣдныхъ восточныхъ губерніяхъ нашихъ и какъ способъ сбыта товаровъ, неизмѣющихся другаго стока.

II. Цѣли, которыхъ желательно достигнуть въ средне-азійской торговлѣ.

По общимъ законамъ промышленности и характеру рассматриваемой торговли, въ особенности цѣлей, которыхъ желательно достигнуть въ ней, суть:

- 1) Возможно-большее развитіе оборотовъ.
- 2) Преимущественный вывозъ мануфактурныхъ произведеній нашихъ и ввозъ сырыхъ матеріаловъ.
- 3) Предоставленіе наибольшихъ выгодъ въ этой торговлѣ русскому купечеству.

III. Обстоятельства, благоприятствующія достиженію этихъ цѣлей.

При первомъ взглядѣ на Туранъ, самое географическое положеніе его содѣлываетъ, кажется, достиженіе вышеозначенныхъ цѣлей весьма легкимъ.

Удаленный отъ всѣхъ образованныхъ государствъ, отдѣленный даже отъ сосѣднихъ странъ, Персіи, Индіи и Китая, трудно проходными хребтами горъ, Туранъ представляетъ, повидимому, для Россіи рынокъ безсовѣстный. Жители его почти вовсе не имѣютъ мануфактурности; нѣкоторые же племена издревле славятся торговой предприимчивостію и, слѣдовательно, могли бы составить дѣятельныхъ разношпиковъ фабричныхъ издѣлій нашихъ; наконецъ, народонаселеніе не богато капиталами и разбросано на ничтожныя владѣнія, почему и не могло, казалось бы, при преимуществахъ богатства и силы имперіи, препятствовать русскимъ купцамъ къ приобрѣтенію перевѣса въ среднеазиатской торговлѣ.

Сверхъ того, перевѣсъ этотъ долженствовалъ быть, повидимому, главнымъ и единственнымъ условіемъ усовершенствованія среднеазиатской торговли, такъ какъ только русское купечество можетъ расширить ее обращеніемъ большихъ капиталовъ и развить въ Азіи новыя потребности, а вытѣсть съ тѣмъ и средства къ удовлетворенію ихъ, ибо азіатскіе промышленники, отважные въ поѣздахъ и путешествіяхъ своихъ, весьма не смѣлы въ закупкахъ и торговыхъ нововведеніяхъ.

IV. Обстоятельства, препятствующія достиженію означенныхъ цѣлей.

Но при ближайшемъ разсмотрѣніи дѣла возникаютъ затрудненія, парализующія обстоятельства, которыя благоприятствуютъ съ перваго взгляда достиженію главныхъ цѣлей среднеазиатской торговли нашей.

Туранъ уже издревле находится въ промышленныхъ сношеніяхъ съ южными и восточными сосѣдями своими, и побѣдить силу привычки этой, завладѣть всею торговлею въ пользу Россіи не легко, въ особенности когда нужно соперничествовать съ промышленниками единовѣрными и почти единоплеменными среднеазиатцамъ.

Сверхъ того, развитіе парокходства и расширеніе англійскаго вліянія въ Азіи сближаетъ Туранъ съ европейскими мануфактурными производителями и открываетъ ему средства получать фабричныя издѣлія чрезъ Кабуль и Персію.

Кромѣ этого возможнаго соперничества чужихъ произведеній съ нашими мануфактурными продуктами, въ самой промышленности Турана встрѣчаются препятствія къ распространенію ихъ: среднеазиатцы не имѣютъ мануфактурности, но ремесленность между ними весьма значительна по простотѣ потребностей народа, издѣлія могутъ быть продаваемы весьма дешево, а постоянно вкусовъ азіатскихъ дѣлаетъ замѣть этихъ произведеній, хотя бы и лучшихъ, очень затруднительнымъ. Къ тому же замѣть сей лишилъ бы народъ значительной части его прибытковъ, а слѣдовательно въ скоромъ времени и возможности приобрѣтать наши продукты. Посему не только нельзя и не должно вытѣснять вдругъ и совершенно издѣлія туземной ремесленности на среднеазиатскихъ рынкахъ, но необходимо даже допускать ихъ въ Россію, такъ какъ, иначе, Туранъ не имѣлъ бы спосо-

бовъ платить намъ за отправляемые въ него продукты и, слѣдовательно, былъ бы принужденъ отказаться отъ значительной части ихъ.

По этимъ же самымъ причинамъ вредно было бы доставить купцамъ нашимъ рѣшительное преобладаніе въ среднеазиатской торговлѣ, такъ какъ они старались бы задавить туземную ренесленность и тѣмъ похорвать будущность всей торговли. Сверхъ того, преобладаніе это, вѣроятно, заставило бы вскорѣ самихъ азіятскихъ купцовъ отстать отъ дѣятельнаго оптоваго торга съ Россією, а безъ содѣйствія ихъ, по опасностямъ пути и изувѣрству нѣкоторыхъ владѣній Турана, русскіе купцы не могли бы проникать во многія области; средства же наши къ обезпеченію безопасности торговцевъ хотя и несоразмѣрно больше ничтожныхъ силъ среднеазіятскихъ племенъ, но, по топографическому характеру Турана, употребленіе этихъ средствъ не всегда возможно съ успѣхомъ и выгодною.

V. Обзоръ мѣръ правительства относительно среднеазіатской торговли.

Такимъ образомъ, уравниваніе противорѣчащихъ потребностей и пользы среднеазіатской торговли соразмѣрно съ настоящими выгодами Россіи представляло и представляетъ трудную задачу для правительства.

Къ разрѣшенію въ ней подлежали три главныхъ вопроса:

- 1) Опредѣленіе правъ и преимуществъ по среднеазіатской торговлѣ въ Россіи подданныхъ и иностранцевъ.
- 2) Обезопасеніе слѣдованія каравановъ.
- 3) Опредѣленіе правъ и обязанностей русскихъ купцовъ въ среднеазіатскихъ владѣніяхъ.

Кромѣ мѣръ, по каждой изъ этихъ статей предпринятыхъ, возникало и было разсматриваемо множество предположеній.

Относительно первой статьи высочайшимъ указомъ 1739 года, 20-го августа, пунктъ 6-й, повелѣно, съ бухарскихъ купцовъ, которые пожелаютъ ѣхать внутрь Россіи изъ Оренбурга, взыскивать пошлины по торговому уставу объ иноземцахъ, въѣзжающихъ въ Россію чрезъ Астрахань.

Это подтверждено указомъ 1740 года, 19-го января; но, по представленію Неплюева, 10-го января 1752 года, пропускъ азіятцевъ въ Россію вообще запрещенъ. Указомъ 10-го мая 1754 года проѣздъ разрѣшенъ снова, со взысканіемъ съ купцовъ, сверхъ портовой и внутренней пошлины, еще проѣзжей, что подтверждено въ таможенномъ уставѣ 1-го декабря 1755 года и отиѣнено снова именнымъ указомъ 13-го мая 1763 года. Съ тѣхъ поръ, по 1-е января 1807 года, проѣздъ азіятцевъ съ Россією былъ вовсе воспрещенъ. Манifestомъ же означеннаго числа и дополнительнымъ указомъ 27-го октября онъ разрѣшенъ опять на три главныя ярмарки: нижегородскую, ирбитскую и коренную, въ теченіе годового срока, что подтверждено было высочайше утвержденными журналами азіятскаго комитета 28-го іюля 1825 года и 28-го февраля 1832 года.

Высочайше дарованною 7-го іюня 1734 года городу Оренбургу привилегіей розничной и мелочной торгъ на деньги дозволенъ только гражданамъ. Но, по представленію Неплюева, 10-го января 1752 года

разрѣшена для всѣхъ торговля ярмарочная и дозволено пріѣзжать туда ивоземнымъ торговцамъ отъ портовъ, что подтверждено указами 2-го іюля 1752 года и 1763 года, 30-го апрѣля и 13-го мая, вслѣдствіе сомнѣній, возникшихъ по случаю изданія тарифа 1755 года, равно какъ указомъ 15-го апрѣля 1798 года и высочайше утвержденнымъ положеніемъ азіятскаго комитета 21-го іюля 1825 г., а высочайше утвержденнымъ журналомъ азіятскаго комитета 21-го февраля 1832 года разрѣшена азіятцамъ на оренбургской линіи безъ платы гильдейскихъ пошлинъ только.

Таможенные пошлины взыскивались сначала, по указу 20-го августа 1739 года, по 3 коп. съ рубля въ течение 10 лѣтъ. Определенныхъ постановленій относительно способа сбора не было, и только для большей правильности оцѣнки издана была въ 1750 году Неплюевымъ и Тевкелевымъ такса товаровъ.

Съ 1750 года начали взимать на оренбургской линіи, какъ въ Астрахани, по 5 коп. съ рубля, и сверхъ того въ 1752 году, при указахъ 1-го іюня и 14-го октября, изданы были регламентъ торговли и тарифъ.

Въ 1754 году, 10-го мая, по случаю уничтоженія 20-го декабря 1753 года внутреннихъ сборовъ, повелѣно было пошлину съ азіятцевъ, торгующихъ въ Оренбургѣ, оставить прежнюю, по 5 коп.; внутреннюю же, 13-копѣчную, брать съ русскихъ купцовъ; но если сами азіятцы пожелаютъ ѣхать внутрь Россіи съ товарами, въ такомъ случаѣ взыскивать съ нихъ сверхъ вышесказанныхъ 18 коп. еще по 10 коп. проѣзжей пошлины съ рубля.

Въ 1777 году изданъ былъ новый тарифъ, по которому пошлина взымалась большею частію со штуки, а не съ цѣны и съ общей сложности, и была гораздо значительнѣе пятипроцентной, а 7-го іюля 1800 года повелѣно взимать сверхъ таможенныхъ еще карантинныя. Въ 1807 году, при разрѣшеніи азіятцамъ вѣзда въ Россію, никакой проѣзжей пошлины съ нихъ не положено, а только 26-го февраля 1814 года велѣно взыскивать за паспорта 50 р. ассигн. въ годъ.

Съ 1818 года воспріялъ дѣйствіе новый, высочайше утвержденный 30-го мая 1817 года, тарифъ.

Отличіе его отъ тарифа 1777 года состояло главнымъ образомъ въ слѣдующихъ:

1) По прежнему уставу пошлины взыскивались большею частію со штуки, по настоящему же съ оцѣнки.

2) Взысканіе пошлинъ по прежнему тарифу велѣно было дѣлать единственно съ русскихъ купцовъ, даже не запутывать расчетами азіятцевъ; по новому же послѣдніе сами вносили пошлины.

3) На главные статьи привоза, какъ-то: пряденую хлопчатую бумагу, шелковыя, шерстяныя и бумажныя издѣлія, нѣкоторыя краски, мягкую рухлядь и ископаемыя, пошлина была значительно воувыше-на; отнужная же вообще сбавлена до 1% съ оцѣночнаго рубля.

Тарифъ этотъ сохраняется во всей силѣ и донынѣ; только указомъ 4-го октября 1830 года разрѣшенъ еще безъ пошлины вывозъ монеты.

Таковой порядокъ торговый возбуждалъ неоднократно ропотъ російскаго мужества, которое домогалось или совершеннаго вос-

прощенія азіятцамъ провада внутрь имперіи, или вывозенія съ нихъ при этомъ гильдейской пошлины. Но домогательства эти высочайше утвержденными журналами азіятскаго комитета 28-го іюня 1825 года, 25-го апрѣля 1830 года, 28-го севрала 1832 года и 11-го марта 1837 года были признаны неуважительными, потому что:

1) Стѣсненіе азіятцевъ уменьшило бы торговлю нашу, такъ какъ по недостатку на линіи капиталоговъ закупъ азіятскихъ произведеній обратились бы въ монополію нѣсколькихъ лицъ, а по опасностямъ пути и торговли въ среднеазіятскихъ владѣніяхъ для европейцевъ купцы наши не въ состояніи были бы распространять въ Азію такъ много товаровъ, какъ сами азіятцы.

2) Такое стѣсненіе, принося пользу не торговцѣмъ, но собственно нѣсколькимъ торгующимъ, было бы крайне невыгодно и для мануфактуристовъ, сокращая сбытъ произведеній ихъ и принуждая продавать продукты не въ первыя руки, какъ теперь, а чрезъ посредство нѣсколькихъ монополистовъ, которые даже не платили бы, какъ азіятцы, чистыми деньгами.

3) Наконецъ, стѣсненіе это могло бы возбудить соответствующія мѣры относительно нашихъ купцовъ въ среднеазіятскихъ владѣніяхъ и тѣмъ сдѣлать выгоды, дарованныя въ Россіи туземнымъ промышленникамъ, съ ущербомъ для торговли и мануфактуръ нѣдѣйствительными. Сверхъ того, разъѣзды русскихъ купцовъ въ Туранъ могли бы повлечь насъ въ непріятности политическія, отраженіе и развязка которыхъ представила бы крайнія затрудненія.

Взаимныя же просимыхъ купцами ограниченій торгующимъ на оренбургской и сибирской линіяхъ 2-й и 3-й гильдій дозволено, срочнымъ образомъ отправлять товары въ азіятскія области и вывозить ихъ оттуда на томъ же основаніи, какъ купцамъ 1-й гильдіи.

Касательно обезпеченія слѣдованія каравановъ и вообще безопасности торговли возникло много предположеній. Они относились:

1) Къ охраненію самихъ каравановъ и выгодъ торгующихъ учрежденіемъ воинскаго прикрытія и застрахованія товаровъ.

2) Укрупненіемъ киргизъ, посредствомъ устройства укрѣпленій въ степи и улучшеній администраціи.

3) Къ обузданію насильственныхъ дѣйствій хивинскаго владѣльца на Сыръ-Дарьѣ и смуть, порождаемыхъ имъ между найсалами, устройствомъ укрѣпленій на Сырѣ и походомъ на Хиву.

Опытъ первой мѣры былъ сдѣланъ въ 1824 году, и для прикрытія издержекъ ко конвою указомъ 11-го декабря повелѣно собирать съ товаровъ, отправляемыхъ подъ прикрытіемъ, по 25 коп. съ рубля. Но неудача вооруженнаго каравана показала малую дѣйствительность прикрытія; вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружилось, что предписанная пошлина съ товаровъ была бы слишкомъ стѣснительна, а итогъ ея вовсе недостаточенъ на покрытіе издержекъ.

Къ застрахованію и приступавше не было, такъ какъ частые грабежи дѣлали, повидимому, подобную мѣру несбыточною.

Устройство крѣпостей въ степи признано слишкомъ дорогимъ и малополезнымъ, послѣду вліяніе ихъ ограничивалось бы недалекими окрестностями.

Къ улучшенію администраціи и усиленію надзора за киргизами

посредствомъ султановъ-правителей и временныхъ воинскихъ отрядовъ приняты были двѣительныя мѣры, которыя во многомъ увѣщались успѣхомъ.

Укрѣпленіе на рѣкѣ Сыръ признано нынѣ несовременнымъ, опытъ же похода на Хиву сдѣланъ въ 1839 году и побудилъ хана хивинскаго отказаться отъ враждебныхъ дѣйствій своихъ противу Россіи, чѣмъ значительно обезпеченъ успѣхъ мѣръ, относительно самой степи предпріятыихъ.

Наказаніе, по 3-й статьѣ—опредѣленію правъ и обязанностей торговцевъ нашихъ въ Средней Азій — они постоянно домогались, чтобы съ нихъ взимаемо было тамъ только по 2½% дѣйствительной цѣны товара, чтобы оцѣнка произведена была правильно и дѣбы Россія опредѣлила своихъ консуловъ, покрайней мѣрѣ въ Бухару и въ Хиву.

По всѣмъ этимъ предметамъ правительство неоднократно входило въ сношеніе съ среднеазійскими владѣльцами, какъ чрезъ собственныхъ посланцовъ ихъ, такъ посредствомъ русскихъ агентовъ; но доселѣ переговоры не имѣли успѣха.

Въ 1841 году сдѣланъ былъ новый опытъ ихъ, и съ этою цѣлію отправлены миссіи въ Бухару и въ Хиву. Результаты настоящихъ бухарскаго агента еще не извѣстны. Что же касается до Хивы, то ханъ объявилъ, что въ его владѣніяхъ таможенной пошлины нѣтъ, но со всего имущества частныхъ лицъ мусульманскаго исповѣданія взимается разъ въ годъ по 2½, съ иностранцевъ же по 5%, чему подчинены и русскіе купцы, что на оплаченный такимъ образомъ капиталъ они могутъ дѣлать въ продолженіе года, какъ въ самомъ ханствѣ, такъ и внѣ оного, сколько хотятъ оборотовъ, что послѣку это законъ религіозный, то и измѣненъ быть не можетъ, и какъ закятъ собирается не только съ привозныхъ, но и съ транзитныхъ товаровъ, то долженъ быть взимаемъ и на Сыръ Дарьѣ; что впрочемъ если Россія захочетъ, то ханъ согласенъ замѣнить закятъ таможенною пошлиною, т. е. взиманіемъ процентовъ смотря по роду и количеству товаровъ, принять за основаніе таможенное постановленіе имперіи; что, наконецъ, оцѣнка товаровъ въ Хивѣ была для русскихъ и туземцевъ одинаковья, пошлину же предоставляется каждому вносить натурою или деньгами, смотря по роду товаровъ, и даже послѣ распродажи ихъ.

VI. Домогательства русскихъ и азійскихъ купцовъ.

Такова сумма распоряженій относительно среднеазійской торговли нашей. Она, какъ уже изложено было выше, не удовлетворяла домогательствъ купцовъ нашихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самихъ азійцевъ, которые жалуются на таможенное сѣщеніе, на необходимость принискивать деньги за большіе проценты для немедленнаго взноса пошлинъ, на возвышеніе оцѣнки товаровъ таможенно, которая иначе грозитъ оставить ихъ за собою, на возвышеніе пошлинъ противъ тарифа 1777 года, на запретъ мелочной продажи по линіи и торговли въ столицахъ.

Чтобы опредѣлить, въ какой степени обожиданы жалобы справедливы и удовлетвореніе ихъ сообразно съ настоящими выгодами нашей торговли, необходимо обратиться къ подробному разясненію историческаго хода ея и настоящаго состоянія.

VII. Оборъзъ развѣтїа и настоящаго состоянїа среднеазіатской торговли.

I. Движеніе торговли съ 1773 по 1838 годъ.

ВЕСЬ ТОРГОВЫЙ ОБОРОТЪ ПО ОРЕНБУРГСКОЙ И СИБИРСКОЙ ЛИНІЯМЪ ПРОСТІРАЛСЯ:

Годы.	Привозъ.		Отпускъ.		Годы.		Привозъ.		Отпускъ.	
	руб.	на	руб.	на	1832	на	руб.	на	руб.	на
1773—77	214,794	рублей	206,136	рублей	1832	5,712,757	рублей	5,624,418	рублей	
1793—97	1,547,069	—	1,579,445	—	1833	6,920,935	—	6,781,750	—	
1804—7	2,071,364	—	987,974	—	1834	7,408,462	—	6,687,909	—	
1812—15	4,999,865	—	3,582,881	—	1835	8,208,161	—	6,543,484	—	
1820—23	5,381,155	—	3,763,611	—	1836	10,086,975	—	7,698,075	—	
1824—27	5,759,252	—	4,389,705	—	1837	10,030,513	—	6,794,906	—	
1828—31	6,267,414	—	5,889,646	—	1838	7,872,399	—	6,041,074	—	

II. Предметы привоза и отпуска караванной торговли по оренбургской линїи.

ПРИВЕЗЕНО.

ЗВАНІЕ ТОВАРОВЪ.	1829.		1830.		1831.		1832.		1833.		1834.		1835.		1836.		1837.	
	руб.	п.	руб.	п.	руб.	п.	руб.	п.	руб.	п.	руб.	п.	руб.	п.	руб.	п.	руб.	п.
Бумага прѣловой	751,210	»	1,010,832	50	1,111,467	50	471,040	»	511,960	»	569,479	25	912,290	»	108,690	»	1,327,168	50
— хлопчатой	160,820	»	261,933	50	98,060	»	101,801	25	13,920	»	31,908	»	239,498	74	792,678	12	260,836	50
Мануфактурныхъ	983,743	40	1,276,502	»	1,305,795	85	581,987	55	645,695	55	716,582	70	1,035,434	45	722,559	55	1,112,826	40
вѣдлей	212,053	80	130,695	50	295,911	60	188,121	80	252,540	85	199,583	75	403,827	50	470,597	»	283,105	20
Прозабенїи и кра-	36,656	»	10,295	25	12,679	50	19,307	»	15,602	50	28,487	50	56,844	87	47,783	»	73,591	75
согъ	4,970	»	7,907	50	2,650	»	1,150	»	2,400	»	4,765	»	2,215	»	37,752	»	13,500	»
Исполеныхъ . . .	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»
Разныхъ това-	»	»	»	»	224	10	58	»	1,208	»	2,180	»	68	»	2,108	»	176	70
ровъ	2,149,451	50	2,696,694	25	2,826,723	45	1,362,765	60	1,443,205	90	1,553,186	20	2,650,176	56	3,160,336	67	3,041,457	5
Итого																		

ОТПУЩЕНО.

ЗВАНІЕ ТОВАРОВЪ.	1829.		1830.		1831.		1832.		1833.		1834.		1835.		1836.		1837.	
	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.
Мануфактурныхъ из- дѣлій	623,888	15	386,846	80	460,966	75	265,194	69	304,231	46	315,472	55	368,662	60	515,009	80	404,500	56
Фабричныхъ и ремес- ленныхъ	164,698	44	96,900	41	115,004	85	43,799	80	75,439	20	58,575	80	84,117	30	122,722	10	67,264	50
Юфтн.	213,440	»	229,011	»	205,730	»	88,189	»	173,064	»	177,148	50	227,657	»	174,120	»	236,573	»
Металловъ и прочихъ	228,437	50	145,415	50	112,997	40	145,032	50	233,909	»	145,738	»	214,763	»	279,119	70	301,328	25
Копченыхъ	386,172	50	109,290	25	224,687	50	118,150	»	95,020	»	38,561	25	143,900	»	244,260	»	277,626	35
Колодяныхъ про- дуктовъ	110,102	75	64,686	50	80,219	»	23,896	»	38,403	25	90,756	25	85,103	45	42,225	50	56,776	50
Смрдыхъ матеріаловъ	19,381	»	26,988	60	26,572	»	6,563	50	18,153	50	22,265	»	13,238	»	25,051	»	10,546	»
Скота.	12,440	»	»	»	25,650	»	»	»	»	»	»	»	»	»	3,660	»	»	»
Разныхъ товаровъ	55,661	35 ^{1/2}	14,713	80	16,004	20	13,183	25	19,523	25	43,128	80	12,660	20	35,819	60	88,518	90
Итого	1,814,181	69 ^{1/2}	1,073,853	36	1,267,861	70	704,017	24	950,743	66	861,646	15	1,150,101	55	1,441,986	30	1,383,183	96

III. Отпускъ денегъ по оренбургской караванной торговлѣ.

Въ 1829 году	14,217	рублей ассигнаціи	Въ 1836 году	194,590	рублей ассигнаціи
— 1830 —	56,210	—	— 1837 —	142,086	—
— 1832 —	3,836	—	— 1839 —	1,004,867	—
— 1833 —	15,345	—	— 1840 —	1,844,826	—
— 1834 —	60,135	—	— 1841 —	355,533	—
— 1835 —	10,265	—			

IV. Пошлинный и карантинный сборъ по оренбургскому таможенному округу.

	1829.		1830.		1831.		1832.		1833.		1834.		1835.		1836.		1837.	
	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.
<i>По караванной торговлѣ:</i>																		
Привезено	2,149,451	20	2,698,694	25	2,826,723	95	1,362,765	60	1,443,208	90	1,553,186	20	2,650,178	56	3,160,338	64	3,041,457	5
Отпущено	1,814,181	69	1,073,863	36	1,267,861	70	704,017	24	950,743	66	861,646	15	1,150,101	55	1,441,986	50	1,383,133	96
<i>По мясной торговлѣ:</i>																		
Привезено	1,797,849	62	1,573,865	2	1,322,408	6	1,718,866	52	2,104,413	10	2,116,358	19	1,756,995	50	1,840,447	5	1,828,441	18
Отпущено	1,924,606	28	1,978,123	81	1,715,585	69	2,366,667	97	2,629,005	94	2,375,710	51	2,232,060	45	2,064,336	78	1,652,815	90
Итого	7,696,080	49	7,324,527	44	7,132,579	30	6,152,317	33	7,127,371	60	6,905,901	5	7,789,336	4	8,507,108	77	7,905,448	9
Собрано пошлинъ и карантинныхъ	326,140	9	372,509	96	376,355	83	212,015	58	226,732	88	412,759	77	318,002	38	305,008	62	352,060	1
Что составляетъ %	4 ³ / ₁₀		5		5 ⁹ / ₁₀		3 ⁴ / ₁₀		3 ¹ / ₁₀		5 ⁹ / ₁₀		4		3 ⁴ / ₁₀		4 ⁴ / ₁₀	

V. Составъ каравановъ.

	1829.		1830.		1831.		1832.		1833.		1834.		1835.		1836.		1837.	
	Пришло.	Ушло.	Пришло.	Ушло.	Пришло.	Ушло.	Пришло.	Ушло.	Пришло.	Ушло.	Пришло.	Ушло.	Пришло.	Ушло.	Пришло.	Ушло.	Пришло.	Ушло.
Хозяевъ и работниковъ-бухарцевъ	213	139	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Хивинцевъ	156	208	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Коканцевъ	18	5	691	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Авганцевъ	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Русскихъ и уцуровъ	14	9	11	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Верблюдовъ	3,976	2,271	4,088	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Всего	3,783	3,404	3,647	130	3,469	18	4,762	74	4,762	18	4,762	74	4,762	18	4,762	74	4,762	18
Всего	3,783	3,404	3,647	130	3,469	18	4,762	74	4,762	18	4,762	74	4,762	18	4,762	74	4,762	18
Всего	3,783	3,404	3,647	130	3,469	18	4,762	74	4,762	18	4,762	74	4,762	18	4,762	74	4,762	18
Всего	3,783	3,404	3,647	130	3,469	18	4,762	74	4,762	18	4,762	74	4,762	18	4,762	74	4,762	18

VI. Грабежъ каравановъ.

Грабежи касаются преимущественно каравановъ, отправляемыхъ на мѣну въ степь; изъ тѣхъ же, которые обращаются въ средне-азиатской торговлѣ, были разбиваемы въ послѣднее десятилѣтіе лишь на пути изъ Троицка, и то всего три:

- Въ 1833 году одинъ бухарецъ.
- Въ 1836 году полтораста верблюдовъ.
- Въ 1839 году на 3,500 рублей ассигнаціями.

VII. Торговныя повинности русскихъ и азіятскихъ купцовъ.

Въ одномъ торговомъ оборотѣ сходятъ:

Съ русскихъ купцовъ.		Съ азіятцевъ.	
	<i>Въ Россіи.</i>		
	проц.		проц.
Гильдейскихъ	4 ⁴ / ₁₀	Таможенныхъ пошлинъ	4 ⁴ / ₁₀
Таможенныхъ пошлинъ по десятилѣтней сложности	4 ⁴ / ₁₀	Паспортныхъ и на подачу объявленій	6 ⁶ / ₁₀
Городскихъ повинностей паспортныхъ и на подачу объявленій около	1 ³ / ₁₀		
	<i>Въ Хивѣ.</i>		
Заката	5	Заката	2 ¹ / ₂
	<i>Въ Бухарѣ.</i>		
Заката	5	Заката	2 ¹ / ₂

Итого сойдеть съ купцовъ, которые везутъ товары свои чрезъ Хиву и Бухару:

Съ русскихъ	20	Съ азіятцевъ	10
-----------------------	----	------------------------	----

VIII. Выводы изъ обзора торговли.

Изъ всего вышеизложеннаго обнаруживается, что:

- 1) Среднеазиатская торговля наша постоянно возрастала съ половины прошедшаго столѣтія, слѣдовательно:
  - а) Расширеніе ея не зависитъ исключительно отъ разрѣшенія азіятцамъ беспошлинно торговать внутри имперіи.
  - б) Такъ какъ возрастаніе торговли происходило доселѣ большею частію при невыгодныхъ для нея обстоятельствахъ, то съ устраненіемъ ихъ можно надѣяться еще на большее развитіе.
- 2) Балансъ предметовъ привоза и отпуски при настоящемъ ходѣ торговли невыгоденъ для нашихъ мануфактуръ не только потому, что вывозъ мануфактурныхъ издѣлій въ послѣднее десятилѣтіе вмѣсто возрастанія уменьшился, но и по значительности и увеличенію привоза подобныхъ же издѣлій изъ Азіи, равно какъ перевѣса привоза пряденой бумаги передъ сырцомъ. А потому нельзя признавать преимущества, дарованныя азіятцамъ, выгодными для нашихъ мануфактуръ, и не слѣдуетъ смотрѣть на ограниченіе этихъ преимуществъ какъ на стѣсненіе мануфактуристовъ въ пользу торгующихъ.
- 3) Вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно возрастаетъ вывозъ звонкой мо-

неты нашей, и хотя нѣтъ сомнѣнiя, что отпускъ денегъ, какъ всякаго другаго товара, не приноситъ вреда промышленности, но достаточно также, что:

а) Онъ и не доставляетъ никакихъ особенныхъ выгодъ.

б) А сверхъ того, какъ монета есть товаръ всегда нужный и годный для сбыта, то и не должно поощрять вывозъ его преимущественно предъ другими; между тѣмъ, деньги суть единственный предметъ отпуска, освобожденный отъ пошлинъ.

4) Будучи невыгодною для мануфактуръ нашихъ, среднеазиатская торговля въ настоящемъ положенiи противна интересамъ купечества, какъ видно изъ состава каравановъ, въ которыхъ русскiе купцы и прикащики составляютъ самую малую часть. Но они не только не пользуются барышами дѣятельной заграничной торговли, но сверхъ того и выгодами отъ перепродажи азиатскихъ товаровъ внутри имперiи, такъ какъ бухарцы и хивинцы большею частiю сами вѣдаютъ на нижегородскую ярмарку.

5) Причины столь малаго участiя русскаго купечества въ среднеазиатской торговлѣ не должно относить къ грабежу каравановъ, такъ какъ:

а) По вышеизложеннымъ свѣдѣнiямъ, рискъ этотъ совсѣмъ не значительнѣе обыкновеннаго риска отъ буръ въ морской торговлѣ.

б) И совершенно не меньше для азиатцевъ, чѣмъ для русскихъ купцовъ, такъ какъ барантовщики, нападаая на караванъ, не разбирають, кому принадлежитъ товаръ.

6) Настоящiя же причины малаго участiя купцовъ нашихъ въ среднеазиатской торговлѣ суть:

а) Неопредѣленность правъ и обязанностей ихъ въ Хивѣ и въ Бухарѣ.

б) Превосходство несомыхъ ими повинностей надъ тѣми, которыми подчинены азиатцы.

IX. Заключение.

Къ устраненiю перваго препятствiя уже сдѣланы успѣшныя начала; посему и остается обратить вниманiе на второе, и какъ главная тягость въ повинностяхъ происходитъ не отъ распоряженiй хивинскаго или бухарскаго владѣльца, но отъ собственныхъ постановленiй нашихъ, то въ измѣненiи ихъ и должно искать пособiя злу.

Простѣйшими мѣрами было бы, повидимому, воспрепятствовать привозу азиатскихъ мануфактурныхъ издѣлiй, вывоза денегъ и проѣзда азиатцевъ на таможенную черту; но это могло бы значительно уменьшить торговлю нашу, лишивъ азиатцевъ средствъ платить за вывозимые товары, и сверхъ того возбудило бы, вѣроятно, соответствующiя распоряженiя со стороны хивинскаго и бухарскаго владѣльцевъ.

Посему необходимо присмотрѣть мѣры, которыя, повровительствуя нашимъ мануфактурамъ и торговлѣ, вывѣсть съ тѣмъ не вооруживъ бы азиатцевъ.

Лучшими способами къ тому кажутся:

1) Объявить Уральскъ, Оренбургъ, Орелъ, Троицкъ, Петропавловскъ и Семипалатинскъ порто-франко, съ тѣмъ, чтобы пош-

линя съ вывозныхъ изъ Азіи и отпускаемыхъ туда товаровъ взыскиваема была на европейской границѣ сказанныхъ городовъ.

2) Предоставить азіятцамъ въ помянутыхъ мѣстахъ права производить безпошлинно оптовую и розничную торговлю; съ тѣхъ же, которые пожелають везти сами товары свои внутрь имперіи, взыскивать таможенные пошлины наравнѣ съ русскими купцами и сверхъ того за годовую паспортъ 70 руб. серебромъ.

3) Съ вывозимой азіятцами монеты взыскивать по 5% наравнѣ съ пошлиною, платимую съ денегъ въ Хивѣ и въ Бухарѣ русскими купцами.

Мѣры эти:

1) Будутъ выгодны не для однихъ линейныхъ торгующихъ, а для торговли вообще, такъ какъ доставятъ возможность русскимъ купцамъ принимать дѣятельное въ ней участіе и расширить предѣлы ея приливомъ новыхъ и большихъ капиталовъ.

2) Не только не принесутъ вреда, но будутъ полезны для мануфактуръ нашихъ, такъ какъ очевидно, что нынѣшій порядокъ вещей для нихъ крайне невыгоденъ, и что нельзя ожидать измѣненія его безъ дѣятельнаго участія въ среднеазіатской торговлѣ русскихъ купцовъ.

3) Азіятцы, безъ сомнѣнія, примутъ перемѣну эту съ радостію, такъ какъ она дастъ имъ возможность избѣгнуть расчетовъ и вообще сношеній съ таможенными и торговать въ розницу, а возвышеніе паспортной платы (въ сущности неотяготительной, ибо падаетъ не на одно лицо, а на нѣсколькихъ, которымъ отправляющіеся внутрь Россіи служить обыкновенными представителями) приобрѣтетъ имъ право дѣлать обороты не на однихъ ярмаркахъ, а вообще въ имперіи.

4) Наконецъ распоряженіе это не произведетъ невыгодной перемѣны въ доходахъ казны, ибо мѣстное употребленіе азіятскихъ товаровъ въ Оренбургѣ и остальныхъ четырехъ линейныхъ городахъ ничтожно. Напротивъ того, можно надѣяться, что это увеличитъ доходы отъ расширенія торговли и возвышенія паспортнаго сбора; сверхъ того, несомнѣнно облегчитъ таможи, поставивъ ихъ въ сношеніе, вмѣсто азіятцевъ, съ русскими купцами и вмѣсто мелочныхъ мѣновыхъ промышленниковъ съ оптовыми торговцами.

(10) Предписаніе вице-канцлера Данилевскому отъ 29-го мая, № 1,608. Арх. канц. воен. губернатора.

(11) Предписаніе вице-канцлера Данилевскому отъ 29-го мая, № 1,609. Арх. канц. воен. губернатора.

(12) *Высочайшая грамота.* Отпустивъ съ благоволеніемъ отъ высокаго двора Нашего бывшаго здѣсь вашего посланника Везізъ-Низабая и желая явить вамъ новый опытъ внимательнаго Нашего расположенія, Мы признали за благо отправить къ вамъ въ качествѣ посланника Нашего подполковника Данилевскаго. Мы поручили ему войти съ вами въ окончательныя объясненія по предметамъ, касающимся сосѣдственныхъ сношеній Россіи съ Хивою, и уполномочили его, по обоюдному съ вами согласію, постановить тѣ основанія, кои могутъ устранить на будущее время всякій поводъ къ какимъ-либо

недоумѣніямъ и тѣмъ упрочить взаимную пріязнь и доброе согласіе. Подполковникъ Данилевскій облеченъ высокою Нашею довѣренностію, а потому, поручая ему представить вамъ сію Нашу императорскую грамоту, Мы желаемъ, чтобы вы давали полную вѣру его словамъ. Да будутъ дни ваши исполнены благополучія. Дана въ столичномъ нашемъ городѣ С.-Петербургѣ, мая 28-го дня 1842 года.“

Письмо вице-канцлера къ хану. „Письмо ваше, высокостепенный ханъ, отправленное съ посланниками вашими Ванъ-Ніавваевымъ и Ишбаемъ Бабаевымъ, мною получено. По прибытіи сюда помянутыхъ вашихъ посланниковъ, я за удовольствіе поставилъ исходатайствовать для нихъ у великаго нашего государя императора дозволеніе представиться предъ священную его особу. Они удостоились сего счастья; изъявили увѣренія въ неизмѣнномъ желаніи вашемъ сохранять и утверждать пріязненные связи между російскою державою и подвластными вамъ областями; приняты милостиво и отпущены съ благоволеніемъ.

„Послѣдовавшая кончина бывшаго въ Хивѣ капитана Никифорова лишила насъ возможности знать подробности его съ вами переговоровъ; а потому государь императоръ, желая явить вамъ новый опытъ внимательнаго своего расположенія, высочайше соизволилъ повелѣть: отправить въ Хиву, въ качествѣ посланника, достопочтеннаго и знатнаго подполковника Данилевскаго. Ему поручено войти съ вашими высокостепенствомъ въ окончательныя объясненія по предметамъ, относящимся до сосѣдственныхъ сношеній между имперіею Россійскою и владѣніями хивинскими, и по обоюдному согласію постановить тѣ основанія, кои могутъ способствовать полному утверженію дружбы и доброй пріязни и устраненію на будущее время всякаго повода къ какимъ-либо недоумѣніямъ.

„Извѣщая о семъ ваше высокостепенство, я остаюсь въ совершенной увѣренности, что вы оцѣните благодѣтельныя всемилостивѣйшаго государя императора; съ своей же стороны я прошу васъ оказать подполковнику Данилевскому, который представитъ вамъ высочайшую грамоту Его Величества, пріемъ, приличествующій его званію, и давать полную вѣру всему тому, что онъ предложитъ, такъ какъ всѣ слова его будутъ основаны на точномъ смыслѣ полученныхъ имъ высочайшихъ повелѣній; по окончаніи же возложенныхъ на него переговоровъ, отпустить его обратно, когда онъ пожелаетъ возвратиться.

„Подполковникъ Данилевскій имѣетъ порученіе представить вамъ, отъ высочайшаго имени государя императора коляску со всеми къ ней принадлежностями, какъ знакъ благорасположенія Его Величества къ особѣ вашей. Я также пользуюсь симъ случаемъ, чтобы препроводить отъ себя нѣкоторыя вещи для вашего высокостепенства. Засимъ желаю вамъ здравія и всякаго благополучія.“

Письмо отъ военнаго губернатора къ хану: „Высокомѣстный и доблестный оренбургскій военный губернаторъ, генералъ-адъютантъ Перовскій, согласно съ изъявленнымъ имъ желаніемъ оставить, по причинѣ разстроеннаго здоровья, управленіе ввѣреннымъ ему краемъ, всемилостивѣйше уволенъ государемъ императоромъ отъ исправленія обязанностей, на него возложенныхъ. Его Величеству благоугодно

было намѣсто его поручить мнѣ управленіе Оренбургскимъ краемъ. Довода о семъ до свѣдѣнія вашего высокостепенства, мнѣ пріятно увѣрить васъ, что я не престану принимать всѣ зависящія отъ меня мѣры къ сохраненію и утверженію дружественныхъ отношеній, существующихъ между Россійскою имперіею и сосѣдственными съ нею областями Средней Азіи. Излишнимъ почитаю говорить, сколь выгодно для Хивы призанное расположеніе такой могущественной державы, какова Россія. Ваше высокостепенство, безъ сомнѣнія, вполне убѣждены въ этомъ. Съ своей стороны долгомъ поставляю изъяснить, что во мнѣ, какъ главномъ пограничномъ начальникѣ, вы найдете постоянную готовность немедленно удовлетворять справедливымъ вашимъ желаніямъ и вообще способствовать успѣхамъ взаимнаго добраго согласія.

„Прибывшіе отъ васъ посланники приняты въ Оренбургѣ внимательно; допущены въ С.-Петербургъ; удостоены счастья быть представленными великому государю императору; отпущены благосклонно и нынѣ благополучно возвращаются въ Хиву. При семъ Его Величество, желая явить новый опытъ своего къ вамъ благорасположенія, высочайше соизволилъ повелѣть: отправить къ вамъ достопочтеннаго и знатнаго подполковника Данилевскаго, коему поручено, по согласію съ вами, войти въ объясненія по нѣкоторымъ предметамъ, могущимъ способствовать большому упроченію взаимныхъ дружественныхъ связей. Я нисколько не сомнѣваюсь, что господивъ подполковникъ Данилевскій получить у васъ пріемъ, приличествующій его званію; мнѣ остается только желать, чтобы благая цѣль его послышки была оцѣнена справедливымъ образомъ. Засимъ, поручая себя доброму расположенію вашему, высокостепенный ханъ, молю Всевышняго, да ниспошлетъ на васъ всякое счастье.“

(13) Въ числѣ подарковъ, какъ сказано выше, была коляска, которую давно желалъ получить Алла-Куль; но, къ сожалѣнію, ее постигла несчастная участь: въ бытность нашу въ Хивѣ въ 1858 году, намъ рассказывали, что, пріобрѣтѣя коляску, ханъ рѣшился тотчасъ же въ ней покататься втихомолку, но вслѣдъ затѣмъ заболѣлъ и умеръ. Суевѣріе не замедлило отнести причину смерти Алла-Кула къ нарушенію имъ обычнаго способа ѣзды хивинцевъ, вслѣдствіе чего злосчастная коляска была тотчасъ же замурована въ какомъ-то сараѣ и въ такомъ положеніи оставалась до нашего прібытія въ 1858 году, когда рѣшились наконецъ открыть сарай, гдѣ и нашли одни только печальные останки когда-то великолѣпнаго экипажа. По этому случаю нынѣшній хивинскій ханъ призывалъ бывшего у насъ въ конвоѣ солдата-слесаря и предлагалъ ему остаться въ Хивѣ для починки коляски; но солдатъ не согласился, несмотря на то, что ханъ обѣщалъ сдѣлать его начальникомъ артилеріи своихъ войскъ.

(14) Отчетъ Данилевскаго. Архивъ генеральнаго штаба оренбургскаго корпуса. Рапорты Данилевскаго Обручеву отъ 14-го октября, 21-го и 25-го ноября и 30-го декабря 1842 года, №№ 48, 53, 56 и 60, и отъ 1-го февраля 1843 г., № 65. Въ письмѣ же къ Ханыкову изъ Хивы, отъ 20-го декабря, вотъ что между прочимъ писалъ Данилевскій о своихъ дѣлахъ: „Я вступилъ на границу Хивинскаго хан-

ства въ половинѣ сентября, послѣ весьма труднаго путешествія по степи. По прїѣздѣ моемъ Туркестанъ сдѣлался театромъ войны, на которомъ отличились тогдашнія знаменитости. Бухарскій эмиръ, умертвивъ Мухамедъ-Али и овладѣвъ нѣсколькими городами Кокана, удалился на нѣкоторое время къ себѣ. Въ его отсутствіе эта провинція поголовно возстала, а бухарскій гарнизонъ частію былъ вырванъ, частію былъ изгнанъ. Насиръ-Ула вновь принялся за дѣло; но на этотъ разъ онъ встрѣтилъ гораздо болѣе сопротивленія: коканцы, подкрѣпленные союзниками, устояли противъ всѣхъ усилій. Хивинскій ханъ, между тѣмъ, воспользовавшись отсутствіемъ эмира, собралъ свое войско и двинулся на границу Бухаріи въ окрестности Чарджуя и Карагуля. Не воображайте, чтобы всѣ эти дѣйствія сопровождалась кровопролитными сраженіями, тактическими маневрами: всѣ высокія соображенія ограничивались только безалазынными грабежами мирныхъ жителей, надъ которыми эти полководцы изощряли свои воинскія способности. Эмиръ стоялъ спокойно въ укрѣпленномъ лагерѣ въ Коканѣ и грабилъ окрестности; Алла-Кули-ханъ безпрепятственно разорялъ указанный мною край и не могъ овладѣть Чарджуемъ только потому, что десятокъ или два жителей скрылись подъ защиту глинянаго вала, имѣя для своей обороны нѣсколько негодныхъ фитильныхъ ружей. Сіе послѣднее можетъ дать намъ нѣкоторое понятіе о достоинствѣ ихъ войскъ и способностяхъ вождей. Результатъ всѣхъ враждебныхъ дѣйствій въ настоящую минуту тотъ, что ханъ, уведя съ собою тысячи плѣнныхъ бухарцевъ, какъ мужчинъ, такъ женщинъ и дѣтей, вернулся, вслѣдствіе моего письма, которое я ему писалъ изъ Ташауса въ Хиру; эмиръ послѣ напрасныхъ усилій тоже возвратился въ Бухару, и въ настоящее время начались между ними переговоры. Эмиръ хочетъ возобновить войну съ коканцами и требуетъ нейтралитета со стороны Хивы и выдачи его плѣнныхъ. Хива возстаетъ противъ войны съ коканцами и не хочетъ выдать плѣнныхъ бухарцевъ. Уполномоченные уже нѣсколько разъ расходились и вновь собирались, чтобы обсудить сіи политическіе интересы, но окончательнаго рѣшенія еще не послѣдовало. Вы не повѣрите, съ какимъ отвращеніемъ я вамъ сообщаю всѣ подробности, послѣ того, что былъ свидѣтелемъ и дѣйствующимъ лицомъ въ такихъ случаяхъ, гдѣ смѣшное и глупое невѣжество самое полное, алчность самая низкая и самая грубая безчеловѣчность соединяются вмѣстѣ.

„Мои переговоры съ ханомъ меня морально разстроили. Я страдаю сплинномъ въ полномъ смыслѣ этого слова: извурительнымъ и неисцѣлимымъ.

„Въ класѣ цивилизованомъ сохранилась, повѣрайней мѣрѣ, благопристойность, есть наружный лоскъ, подъ которымъ скрывается все безобразіе внутреннихъ словъ, есть, такъ сказать, гасъ, который скрываетъ отъ васъ эгоизмъ и развратъ. Здѣсь все выставляется наружу въ самомъ возмутительномъ цинизмѣ и въ самыхъ грубыхъ формахъ. Этотъ порывъ негодованія, который я не могъ удержать, за который прошу у васъ извиненія, прервалъ навремя мое повѣствованіе о томъ, что мнѣ оставалось вамъ сказать, чтобы представить вкратцѣ событія въ Туркестанѣ. Итакъ, Алла-Кули-ханъ вер-

нулся въ Хиву, два раза я имѣлъ у него аудиенцію, и, воспользовавшись обстоятельствами, въ которыхъ онъ находился, я завелъ съ нимъ переговоры. Вы не сомнѣваетесь въ томъ, что онъ былъ не мало внимателенъ къ тѣмъ представленіямъ, которыя я ему дѣлалъ въ смыслѣ его личныхъ интересовъ, которыя весьма согласовались со скромными и справедливыми требованіями, которыя наше правительство ему такъ великодушно предлагало; но, по особому злополучію, меня преслѣдующему, ханъ заболѣлъ и чрезъ пятнадцать дней умеръ, не покончивъ со мною. Его сынъ Инахъ-Рахимъ-Кули ему наследовалъ. Съ нимъ я возобновилъ переговоры, и только послѣ неумолкающей борьбы въ теченіе семи недѣль я успѣлъ ихъ покончить; на этихъ дняхъ ханъ приложилъ свою печать къ акту, составленному согласно намѣреніямъ нашего правительства. Я приложилъ особое стараніе къ освобожденію персіанъ, жала я сдѣлать хотя одинъ хорошій поступокъ въ жизни; но я успѣлъ только высвободить родственника губернатора Мешада, который содержался въ четырехъ стѣнахъ въ продолженіе двухъ лѣтъ. Мои увѣщанія относительно другихъ не могли быть милостиво услышаны, потому что ханъ еще слишкомъ гордъ и надмененъ отъ побѣдъ надъ бухарцами и угрозы войны не заставили его даже поморщиться послѣ его высокихъ подвиговъ; наконецъ, есть много другихъ причинъ, которыя будутъ напрасно въ настоящее время вамъ исчислять.“

(15) Рапортъ Данилевскаго Обручеву, отъ 11-го марта 1843 г., № 86. Арх. канц. воен. губери.

(16) Отавъ вице-канцлера, 4-го іюня, № 1,560. Арх. канц. воен. губери.

Содержаніе грамоты и письма было слѣдующее:

Грамота. „Обладателю Хивы, высокостепенному Рахимъ-Кулихану, Наша Императорскаго Величества благопріязнь и доброе пріѣтствіе. Посланецъ вашъ, минбаши Магомедъ-Емиаъ, по прибытіи въ столицу Нашу, былъ намъ представленъ и поднесъ грамоту вашего высокостепенства. Намъ пріятно было усмотрѣть изъ оной, что, постигая прямая польза, пріостекающая для ханства Хивинскаго отъ дружественныхъ сношеній съ Россійскою имперіею, вы приняли благоразумное намѣреніе, по примѣру родителя вашего, стараться объ упроченіи пріязни и добраго согласія. Убѣждаясь въ искренности миролюбивыхъ увѣреній вашихъ, вполнѣ соответствующихъ Нашимъ желаніямъ, Мы съ удовольствіемъ одобрили условія взаимныхъ отношеній, постановленныя вами по соглашенію съ полковникомъ Данилевскимъ, который былъ нами на сей предметъ уполномоченъ. Вслѣдствіе чего повелѣли Мы нашему вице-канцлеру выдать посланцу вашему, для доставленія вашему высокостепенству, подтвердительный актъ, заключающій въ себѣ обоюдныя условія. Мы твердо увѣрены, что они будутъ вами и подданными вашими соблюдаемы свято и ненарушимо; а такое соблюденіе основаній дружбы будетъ имѣть непремѣннымъ послѣдствіемъ продолженіе и уврѣпленіе Нашего къ вамъ благорасположенія. Отпустивъ благосклонно посланца вашего минбаши Магомедъ-Емина, Мы поручили ему изустно передать вамъ нѣкоторыя слова, внушенныя пріязнію и строгою справедливостію. Засимъ желаемъ вамъ всякаго счастья. Сія наша

императорская грамота дана въ Петергофѣ, іюня 30-го дня 1843 г.. царствованія же Нашего въ восемнадцатое лѣто.⁴

*Письмо вице-канцлера къ хану.*⁴ Мнѣ весьма пріятно увѣдомить ваше высокостепенство, что посланецъ вашъ, почтенный минбаши Магомедъ-Еминъ, прибывъ благополучно въ столичный городъ С.-Петербургу, удостоился счастья предстать предъ священную особу великаго нашего государя императора и лично поднести Его Императорскому Величеству грамоту вашего высокостепенства.

„Изустныя увѣренія посланца вашего, равно какъ и донесенія возвратившагося изъ Хивы достопочтеннаго полковника Данилевскаго свидѣтельствуютъ о мудромъ намѣреніи вашемъ соблюдать въ отношеніи къ могущественной Россійской имперіи правила добраго сосѣдства и пріязни. Это несомнѣнно будетъ имѣть послѣдствія самыя успѣшныя и благопріятныя для подвластныхъ вамъ племенъ. Постановленные вашимъ высокостепенствомъ, по согласенію съ уполномоченнымъ отъ Россійской державы, достопочтеннымъ полковникомъ Данилевскимъ основанія дружбы и согласія были приняты Его Императорскимъ Величествомъ въ надлежащее вниманіе.

„По Высочайшему повелѣнію августѣйшаго государя императора, составленъ и укрѣпленъ моею подписью подтвърдительный актъ, въ которомъ заключаются обоюдныя условія пріязни и который, для доставленія вашему высокостепенству, врученъ мною почтенному послу вашему. Да будетъ сей актъ залогомъ благоденствія Хивы и источникомъ взаимнаго удовольствія. При благосклонномъ отпускѣ отсюда почтеннаго посланца вашего, отличившагося во всѣхъ отношеніяхъ совершеннымъ приличіемъ своихъ дѣйствій, поручено ему доставить вашему высокостепенству нѣкоторыя вещи, знави благорасположенія, отъ августѣйшаго имени Его Императорскаго Величества и отъ Его Императорскаго Высочества наслѣдника цесаревича. Я съ своей стороны воспользовался также симъ случаемъ, чтобы просить васъ о принятіи отъ меня нѣкоторыхъ здѣшнихъ издѣлій, посылаемыхъ также съ помянутымъ посланцемъ, коему врученъ мною списокъ всѣмъ отправляемымъ вещамъ.

„Въ заключеніе остается мнѣ довести до свѣдѣнія вашего высокостепенства, что августѣйшій государь императоръ соизволилъ лично поручить посланцу вашему передать вамъ, сколь Его Императорскому Величеству было бы пріятно о прекращеніи продолжающихся недоразумѣній и вражды между вашими и персидскими владѣніями. Возстановленіе съ Персією сношеній миролюбивыхъ и отклоненіе всего того, что можетъ ихъ нарушить, послужило бы, безъ сомнѣнія, къ славлѣ вашей и къ пользѣ вашихъ подданныхъ. Отъ прозорливости вашей не укроется выгоды, пріостекающія отъ дружелолюбныхъ соотношеній съ сосѣдственными государствами, имѣющими политическое значеніе, а потому и считаю лишнимъ излагать здѣсь мнѣніе мое о ближайшихъ средствахъ къ примиренію съ персіянами. Затѣмъ желаю вашему высокостепенству многолѣтняго здравія и ненарушимаго благополучія.⁴

(¹⁷) Рапортъ пограничной комисіи 23-го іюня, № 6,105. Содержаніе письма слѣдующее: „Онъ, Слава отца побѣдъ, торжествующаго побѣдоноснаго ховарезмскаго шаха.

„Признаки усердія, преданности, привязанности, искренности, признанія Мухаммедъ-Аминю минбашѣ. Увидѣвши высокое повелѣніе, да будетъ извѣстно: слава Богу, нынѣ, 8-го числа мѣсяца джумадуль-аввала, въ понедѣльникъ, въ Ховарезмѣ спокойно. Весь народъ нашего владѣнія счастливъ во всемъ, занявъ молитвами объ увеличеніи нашей силы. Высокомѣстный, высокостепенный наслѣдникъ величія, почтенный братъ нашъ Мухаммедъ-Аминъ-Инакъ, для спокойствія и безопасности нашего отечества, ходилъ съ побѣдоноснымъ войскомъ, подобнымъ Александра Македонскаго войску, въ Мерву. Въ это время бухарскій эмиръ, полагая, что хивинское владѣніе осталось совершенно пустымъ, вознамѣрился придти въ столицу онаго, какъ сдѣлалось намъ извѣстно, а потомъ, когда уже мы удостоувѣрили о дѣйствительности его намѣренія, то подпора и украшеніе повелѣвающихъ, хозяинъ почестей, помощь власти, Рахманъ-Берды-Бій, родственникъ нашъ, съ частію войска былъ посланъ нами на встрѣчу въ бухарскому эмиру; но Бій не могъ устоять и былъ побѣжденъ. Бухарское войско обложило городъ Газараспъ 10-го числа мѣсяца рабиуль-сани, а 20-го числа этого мѣсяца, въ пятницу, упомянутый Инакъ, благополучно возвратившись изъ Мервы, пробылъ въ столицѣ два дня, до воскресенія, и въ этотъ день отправился на враговъ отечества и продолжалъ драку съ войскомъ эмира цѣлую недѣлю; побѣдилъ оное, убилъ и взялъ въ плѣнъ многихъ военачальниковъ, множество войска, взялъ знамена, артилерію, снаряды, провізію, пива, ружья, сабли, латы, кибитки и палатки и всѣ принадлежности войска. Эмиръ самъ съ частію войска своего бѣжалъ; его гнали до могилы Дарганъ-аты, безпрестанно поражая. Объ эмирѣ нѣкоторые говорятъ, что онъ померъ, а другіе, что тяжело боленъ отъ ранъ.

„Да будетъ доведено это до свѣдѣнія почтеннаго друга нашего великаго государя императора, чтобы его обрадовать, и на эту радость чтобы выпросилъ у Его Величества двухъ искусныхъ артилеристовъ, которые никогда не дѣлаютъ промаховъ, стрѣляя въ цѣль. Покуда предстанетъ предъ особою нашу, пусть сообщаетъ свѣдѣнія о тамошнихъ обстоятельствахъ.“